

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

18+

© 2019 г.

Алексей Петров
Старая крепость

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петров А. Ю.

Старая крепость / А. Ю. Петров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Желание примерить старый военный китель обернулось для Ивана провалом во времени. Очутившись в теле немецкого солдата накануне нападения Германии на СССР, перед героем встаёт вопрос: что делать? Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации и принять единственно правильное решение, Иван оказывается в штурмовой группе, идущей в Брестскую крепость...

Содержание

Часть I Гроза на горизонте	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть I Гроза на горизонте

Глава 1

– Макс, вставай! Хорош дрыхнуть, – твоя очередь дежурить! – кто-то, от кого нестерпимо несло чесноком, бесцеремонно тряс меня за плечо.

– Чёрт подери, Отто, от тебя разит как от охотника за вампирами, – мой ответ прозвучал раньше, чем я успел толком проснуться и сообразить что вообще происходит, – сколько ты взял с собой этого чеснока и когда уже он закончится?

– Терпи, Макс, – солдатам Великого Рейха нельзя страдать от нехватки витаминов, да и простуда тоже ни к чему, – хохотнул Отто и дыхнул со всей силы в мою сторону, – держи и ты волшебную чесночную защиту, мне не жалко.

– Отвали, Отто, это вовсе не смешно, – я рывком сел и теперь щурил глаза на тусклый свет лампы, который со сна мне казался слепящим прожектором.

– Ух, какие мы нежные, боже мой! – рассмеялся любитель чеснока, но дуть перестал – Да я у себя дома мог свободно съесть три головки чеснока и четыре луковицы за раз! Знаешь, как меня называли в деревне?

– Вонючка Отто? – предположил я меланхолично, пытаюсь сунуть ноги в сапоги.

– Чтооо?! – он аж задохнулся от возмущения.

– Да вы заткнётесь уже или нет?! Ланге, Рюдигер! Ещё одно слово... – из глубины вагона раздался раздражённый голос обер-фельдфебеля Рауша.

Сон как рукой сняло, мы вытянулись по стойке «смирно» и практически синхронно гаркнули во весь голос:

– Так точно господин обер-фельдфебель!

– О, мой бог, что за два идиота! Тише! – простонал в темноте Рауш и продолжил:

– Рюдигер! Ланге! Если я услышу от вас ещё хоть одно слово, одно только слово, – клянусь, вы будете вечными дежурными, вечными, – вам это ясно?

– Так точно, господин обер-фельдфебель, – шёпотом ответили мы.

– Вольно, – произнёс Рауш и шумно отвернулся к стенке, натягивая на себя одеяло.

Я посмотрел на Отто и постучал кулаком себя по голове, показывая что думаю о своём напарнике. Тот не остался в долгу и поприветствовал меня согнутой рукой, положив вторую руку на локтевой сгиб первой. Международный жест, в переводе не нуждающийся. Я только рукой махнул. Довольные собой, мы разошлись, насколько это слово применимо к пространству товарного вагона, в котором мы ехали. Отто завалился спать, а я сел на лавку со стоящим на ней фонарём, – дежурить. Охранять, так сказать, покой и чуткий сон. Глянул на часы – 1:05, до назначенного сегодня раннего подъёма почти два часа. Эшелон идёт ровно, колёсный перестук убаюкивает. Входная откатная дверь чуть приоткрыта, за нею ничего не видно, – темно. Чем бы таким заняться, чтобы не уснуть, – вот главный вопрос. Немного посидев и приведя ото сна мысли в порядок, решил проверить материальные ценности. Рядом, у стенки вагона, слева от входной двери, стояли пирамиды с оружием взвода, – неплохо бы пересчитать их содержимое. Отто – парень весёлый, мог и пошутить, поэтому считаю: 34 винтовки Kar 98к, 4 пулемёта MG-34, 6 пистолет-пулемётов MP-40, 10 пистолетов «P-08» и 50-мм миномёт. Амуниция, противогазы, ранцы, – всё это, соответственно, располагалось справа от двери. Взводная обозная лошадь и обе пехотные тележки с остальным имуществом и боеприпасами также ехали в нашем эшелоне, но отдельно. Куда нас везут – никто не знал. Догадывались, конечно, но всерьёз никто не верил, что будет война с русскими. Большинство считало, что грядут гран-

диозные маневры рядом с нашим восточным соседом. Показать свою мощь и отбить всякие нехорошие мысли, возникающие у большевиков.

На данный момент, главное для Германии, – победа в войне с Англией: эти чёртовы Томми совсем распоясались, и даже имеют наглость бомбить наши города! И, хотя, сухопутные сражения пока идут только в Африке, – война на два фронта была бы самоубийством и фюрер не должен её допустить. Воспоминания о первой мировой войне еще были слишком свежи и никто не хотел повторения прошлых ошибок, тем более, – сейчас, во время так блестяще начавшейся кампании! Шутка ли, – ведь Германии удалось захватить практически всю Европу! Повержена Франция, разгромлена Польша, – остались только Томми. Зачем же лезть на русского медведя, имея за спиной коварных англичан? Война на два фронта недопустима. Так считало большинство наших солдат и унтер-офицеров. Нет, были, конечно, опьяненные успехами нашей армии молодые солдаты, которым казалось, что великому немецкому Вермахту всё по плечу и мы с лёгкостью рассеем орды диких азиатов... Но, повторюсь, такой настрой поддерживали далеко не все.

Признаюсь, я тоже был в числе скептиков, но совсем по другим причинам. Вовсе не потому, что был стар и осторожен, – как раз наоборот. Макс Ланге здесь только-только исполнилось девятнадцать, – прекрасный возраст для проявления юношеского максимализма, героизма, романтики и самоуверенных заявлений. Молодость – прекрасная пора, но в моём случае присутствует нюанс. Дело в том, что я вовсе не тот, за кого меня принимают окружающие. Нет, кривить душой не буду: мне довольно комфортно в теле молодого немецкого солдата. Да и разум мой не конфликтует с его внутренним миром, – у нас, образно говоря, случился полный симбиоз с первых мгновений вынужденного общения. Так что, помимо своих знаний и умений, я знаю всё, что знает и умеет Макс Ланге. Нет, я вовсе не призрак и не инопланетянин, хотя последнее утверждение спорное. Впрочем, первое, – тоже. Всё зависит от того, в каком мире/измерении я сейчас нахожусь. Стараюсь не забивать этим голову, но пока другим её, бедную, к сожалению, занять нечем.

С чего всё началось? Пожалуй, с решения померить вот такую же форму, которая сейчас сидит на мне как влитая. Конечно, исключительно ради интересного фото, – ради чего же ещё? Даже не форму, а один только китель, – брюк к нему в той лавке не было. Ну, как лавка? Просто небольшой такой стандартный магазинчик в десяток квадратных метров, где-то недалеко от центра Варшавы. Обычно в подобных торговых точках продают различные путеводители, брошюры, флажки, магниты на холодильник... Честно говоря, «что-нибудь на память» было куплено ещё в первый день пребывания в столице Польши и на кой чёрт меня понесло в ту лавку, – тот самый чёрт и знает. Как бы там ни было, – зашёл. Внутри обнаружился стандартный набор сувениров. В принципе, ничего особенного, – можно выходить и двигать дальше, что я и собирался, в итоге, сделать. И тут мой взгляд цепляется за какую-то пока неуловимую деталь, не вписывающуюся в концепцию подобного рода магазинчика. Присматриваюсь: сбоку скромно висит китель вермахта с погонами пехотного унтер-офицера, лентой «Железного креста 2-го класса», «Железным крестом 1-го класса», знаком за ранение 2-й степени, «Нагрудным пехотным штурмовым знаком» в серебре и ещё каким-то значком. Естественно, на тот момент ни названий этих побрякушек, ни значения нашивок, и, уж тем более, воинских званий на погонах я не знал, – это только сейчас память Макса услужливо идентифицирует увиденное. И то, один из знаков даже херр Ланге не смог идентифицировать. Что уж говорить обо мне? А тогда я был от всего этого очень далёк... И был бы ещё дальше, если бы не стал тогда китель мерять...

Что ни говорите, – всё-таки у немцев красивая была форма: Хуго Босс и всё такое. Ну, нравится она мне! И, пока я глазел на китель, в абсолютно пустом магазинчике, буквально из ничего материализовался сухонький седой старичок. Я поздоровался по-русски, тот ответил на каком-то непонятном языке. Впрочем, это вполне мог бы быть и польский, – сказанных старичком слов я разобрать не смог. Знаете, пока смотришь фильм «Четыре танкиста и собака» –

думаешь, что понимаешь польский, а как только с тобой окажется рядом поляк и зарядит своё « пше-прше », – поймёшь, насколько ты ошибался в своих лингвистических способностях.

Дедок внимательно на меня посмотрел и спросил:

– Pan Rosjanin?

– Русский, русский, – закивал я – Вот смотрю на китель ваш...

– Rosyjski mistrz może spróbować siebie w butach niemieckiego żołnierza, – указывая рукой на китель, произнес старичок. Он был максимально серьёзен, и мне бы тут включить заднюю, но нет...

– Спасибо, обязательно примерю, – бодро заулыбался я – А вы меня сфотографируете?

Старичок как-то нехорошо усмехнулся и что-то пробормотал опять неразборчивое, протягивая мне китель. Пока я его одевал, седовласый всё что-то бормотал как заведённый, потирал ладони и периодически закатывал глаза.

Впрочем, мне было не до него, – китель пришёлся в пору, я повернулся полюбоваться на себя в профиль перед зеркалом. Повернулся в одну сторону, в другую, а потом вдруг всё вокруг буквально на полсекунды потемнело...

– ...ля! – отшатнулся я, увидев своё отражение – но получилось почему-то «Шайзе»!

Из зеркала на меня смотрел молодой белокурый немецкий солдат, – настоящий ариец. Я быстро ощупал лицо, вздрогнул, посмотрев на свои руки, – человек в зеркале делал то же самое. Ни хрена же себе! Это я превратился в немца, что ли? Что за шутки? Голова кругом! Додумать и сойти с ума прямо на месте, к счастью, не успел, – дневальный закричал «Выходи строиться!» Заслышав команду, белокурый немчик, в теле которого я очутился, довольно шустро побежал вниз во двор, где из стекающихся со всех сторон солдат уже формировались шеренги и колонны. Что характерно, – пока всё происходило без моего участия. Как кино от первого лица. Бежать не хотел, – побежал, строиться не планировал, – построился... Смотрю по сторонам: кругом немцы, как в фильмах про Великую Отечественную. Самое интересное, что я прекрасно знал окружающих меня солдат и унтер-офицеров, а они знали меня. Как это вообще возможно?

К сожалению или счастью, но толком поразмыслить над таким фантастическим поворотом судьбы времени не было. Дальнейшие события вообще сплелись для меня в один суматошный клубок: наше подразделение в спешке собиралось, со всеми вытекающими, и убывало на погрузку в эшелон. Мы бегали из казармы к грузовикам, загружали различное имущество, потом нас направили на склады и мы грузили боеприпасы, после ужина опять грузили, но уже подводы...

Улучив минутку, я вытащил из нагрудного кармана свой зольдбух и официально прочёл то, что и так, в принципе, знал: рядовой Максимилиан Ланге, 15.07.1921 года рождения. Оказывается, – я теперь австриец, из Вены. В Вермахте служу с сентября 1940, в декабре зачислен в 3-й батальон 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии. По должности, – помощник пулемётчика 2-го отделения 2-го взвода 10-й роты. Никогда в жизни не говорил на немецком, – и вот, на тебе: в 40 лет сподобился. Интересно, а по-русски я тоже шпрехаю? Оглянувшись по сторонам, проверил: легко и непринуждённо выматерился вполголоса. Уже хорошо. Я даже повеселел. Главное, – во сне что-нибудь не сказануть, так как посещать местное гестапо пока не входит в мои планы. Впрочем, внутренний голос заверил, что всё контролирует. Поверим, за неимением альтернативы. По крайней мере, вот уже полсуток как я здесь, и пока никто из окружающих меня фашистов ничего подозрительного, вроде бы, не заметил.

Окинув взглядом вагон, присел на скамью. Камрады, под мерный стук колёс, спали. Мда, камрады-товарищи... Надо же так попасть, а! Все попаданцы как попаданцы, – у своих появляются, и только со мной всё вечно не так! Ну почему я немцем-то накануне войны очнулся? И что теперь делать? Хорошо, что сейчас как раз тот момент, когда никто не мешает и можно, наконец-то, собраться с мыслями. Ответа на вопрос «кто виноват?», – я, боюсь, не узнаю нико-

гда, поэтому его пока задвинем. А вот вопрос «что делать?», – как всегда актуален. Вариантов, по большому счёту, всего два: или остаться с камрадами, – пройти миссию за вермахт, так сказать, или перебежать к товарищам, – и топить до победного конца за РККА. Первый вариант я всерьёз не рассматриваю, – вряд ли смогу убивать наших, хотя вот херр Ланге возмущенно считает, что они вовсе не наши. Поэтому, за основу возьмём второе: нужно рвать к товарищу Сталину. Не лично в Кремль, конечно, а в общем смысле. Каким образом это осуществить? Про то, что я из будущего, – не стоит даже и заикаться. Скажешь – или в психушку упекут, или к стенке прислонят. Ни то, ни другое меня не устраивает. Логичнее на допросе будет сказать, что я, – тайно сочувствующий коммунистам: Рот Фронт и всё такое. Допустим, мне поверят и дальше что? В реалиях июня 1941 года, – посадят в камеру приграничного городка до выяснения, где через пару дней меня или освободит наступающий вермахт, или расстреляет перед отступлением караульный. Так, на всякий случай... Причём, немцы тоже явно не Железный Крест вручат при освобождении, – отнюдь не железный. А вот деревянный – вполне. Так что, до начала боевых действий сдаваться, – то ещё удовольствие. Плюс мой русский... Как объяснить владение языком? В школе учил? Или сделать вид, что не понимаю? Боюсь, с актёрскими данными у меня плохо, – расколется меня особист. Расколется, – как пить дать. И расстреляет как шпиона. Или, если судьба всё-таки соизволит улыбнуться, – то остаток войны я проведу в лагере для немецких военнопленных, где-нибудь на солнечной Колыме... Такая себе улыбка, честно говоря.

Я встал и подошёл к приоткрытой вагонной двери. Тёплый набегающий поток взъерошил волосы. Не видно ничего, кроме звёзд на небе. Только напротив угадывается тёмный даже на фоне неба лесной массив, тянет паровозным дымом. До рассвета ещё далеко, и нужно принимать какое-то решение. Если обер-фельдфебель Рауш не врёт, то сегодня ночью мы должны прибыть в место назначения. Где оно, – нам неизвестно, но если мы следуем из Варшавы на восток, то вариантов-то не особо и много... Ехать до Бреста тут ерунда, даже с такой скоростью, с какой движется наш эшелон. Так что, район определён мною достаточно точно. Границу, таким образом, скорее всего, будем пересекать севернее или южнее города. Очень надеюсь, что идти через Брест или, не дай Бог, штурмовать Брестскую Крепость будем не мы. Что-то никак не вспомню: кто этим занимался у немцев? Надеюсь, не наша дивизия. Мы же австрийцы, значит... И тут меня словно током ударило. Стоп! Австрийцы... Земляки Фюрера... 45-я пехотная... 45-я пехотная дивизия Вермахта штурмовала Крепость! Точно! Я вспомнил! Ведь там, в Варшаве, мы как раз и учились штурмовать! Считай, круглыми сутками только этим и занимались! Макс Ланге услужливо напомнил, как наша рота тренировалась, отрабатывая тактику захвата укреплений и казематов, подобных Брестским, на каком-то заброшенном форту. Учились преодолевать водные преграды, закидывать рвы фашинами, подниматься в атаку вслед за воображаемым огненным валом нашей артиллерии... Меня прошиб холодный пот и я, в растерянности, бессильно опустился на скамью. Это, пожалуй, наихудший вариант для попаданца вроде меня... Что же делать?

Глава 2

Прибытие получилось неожиданным и каким-то будничным, что ли. Состав постепенно снижал скорость, – мы двигались всё медленнее и медленнее, пока паровоз не остановился окончательно. Лязгнули вагоны, эшелон встал. Выглянув в дверной проём, я услышал звонкий голос Рихарда Апфеля, – посыльного командира роты. Он бежал вдоль вагонов, подсвечивая себе фонариком, чтобы не упасть, и стучал по доскам теплушек:

– Подъём, 10-я рота! Построение перед вагонами, форма одежды повседневная!

Слева и справа от нас так же метались огни фонариков, – там тоже бегали посыльные и поднимали остальные роты нашего батальона. Всё, прибыли! Ни платформы, ни встречающего нас оркестра, – ничего. Только лес напротив.

Я повернулся к своим камрадам и заорал вглубь теплушки: «Подъём, второй взвод! Построение перед вагоном, форма одежды повседневная!», после чего с грохотом откатил дверь в сторону, впуская в вагон свежего воздуха. С удовлетворением и превосходством бодрствующего солдата над только что разбуженными товарищами, я наблюдал за суетой, поднятой взводом при подъёме. Здравое рассудив, что воевать мы пока ни с кем не собираемся, запасные стволы к пулемёту и коробка с лентами решил на построение не брать. Вполне достаточно и моего штатного «люгера». Со стойки с оружием я его выдернул очень даже вовремя: солдаты заканчивали одеваться и тянулись к оружию и амуниции. Как обычно, началась толчея, суета и неразбериха. Первые, самые шустрые, уже соскакивали на землю и занимали место в строю. Менее шустрых, подгоняли унтер-офицеры во главе с командиром взвода Раушем.

Спрыгнув на землю, занимаю своё место во второй шеренге, за первым номером нашего пулемётного расчёта, – обер-гефрайтером Йенсом Лерманом. Во взводе он имеет прозвище Викинг, за внешнее сходство с этим суровым древним воином. Высокий, светловолосый крепыш с цепким взглядом и массивным подбородком, немногословный, основательный в движениях и сдержанный на эмоции. Лерман старше меня на четыре года, он ветеран Польской и Французской кампаний. За бои при форсировании Эны награждён «Нагрудным пехотным штурмовым знаком» в серебре и знаком «За ранение 3-й степени». Несмотря на это, – нос не задирает, держится просто. В быту мы с ним неплохо ладим, да и в составе пулемётного расчёта понимаем друг друга с полуслова. За мной занимает место наш третий номер, – рядовой Эмиль Райзингер. Природа наградила его большими глазами навывкате и нескладным телосложением, в остальном же он абсолютно ничем не примечательный парень. Худой, щуплый, белобрысый, – типичный подрастающий ариец. Хотя мы с ним и ровесники, но выглядит он лет на семнадцать, – не больше. Эмиль немного застенчив, но в целом, – парень компанейский.

– Как спалось? – подмигивая, интересуюсь у Райзингера.

– Бывало и лучше, – широко зевая, отвечает тот.

Справа, последним из взвода, втискивается мой ночной напарник, – Отто Рюдигер. Головная боль нашего отделения, в особенности его командира, унтер-офицера Винсхайма. Отто, – это человек, который постоянно впутывается в какие-то неприятности и имеет множество нареканий по службе. Он парень деревенский, простой, немного грубоватый, но наивный и к тому же тугодум. Плюс очень шумный, – громкость его голоса практически никак не регулируется. Внешне он выглядит как типичный сельский увалень, на которого по ошибке надели солдатскую форму. Родом Рюдигер из деревни Рамерсдорф, что под Линцем. Уж не знаю, – чем он там занимался до армии, но все его рассказы сводятся к описанию того, сколько он может съесть и выпить. Всё это дико раздражает унтер-офицера Винсхайма, для которого Отто, – объект особой любви. Вот и сейчас он взглядом сверлит Рюдигера, как будто хочет проделать в нём дыру. Однако, Отто даже не смотрит на своего командира отделения. Рюдигер в данный момент занят тем, что пытается поправить воротник своего мундира, не выпуская

из руки ремня висящей на плече винтовки. Та бьёт стволом по каске и, в тишине замершего строя, раздаётся мелодичный перезвон. Я толкаю Отто в бок, однако Рюдигер лишь непонимающе на меня смотрит, не прекращая своего увлекательного занятия. Винсхайм что-то шипит вполоборота, но его прерывает команда обер-фельдфебеля Рауша.

– Взвоод! – все, даже Отто, на секунду замирают.

– Равняйся! – одновременный поворот голов.

– Смирно! – мы застываем как статуи.

– Господин обер-лейтенант! Второй взвод по Вашему приказанию построен!

В поле нашего зрения появляется командир роты, – обер-лейтенант Гренц. Ещё недостаточно рассвело и горящие перед строем фонари не могут пробить окружающую нас темноту. Но даже в их бледно-жёлтом свете видно, что Гренц вовсе не выглядит сонным, в отличие от нас, а вовсе наоборот: ротный бодр, свеж и подтянут.

– Вольно! – бросает он нашему обер-фельдфебелю, осматривая строй.

– Вольно! – эхом повторяет Рауш.

– Итак, господа! Ваша задача, – максимально быстро разгрузить и освободить вагон! Далее, форсированным маршем, в составе роты выдвинуться в пункт временной дислокации. Времени на подготовку к маршу – 10 минут. С рассветом ни нас, ни эшелона тут быть не должно. Для сдачи вагона, а также разгрузки имущества и лошадей, – оставляете двух человек. Они придут позже, в составе тылового обоза. Старший от тыловиков, – штабсфельдфебель Лёр, он будет находиться у штабного вагона. Вопросы? Вопросов нет. Командуйте, господин обер-фельдфебель! – с этими словами, Гренц козырнул и зашагал в сторону третьего взвода.

Рауш, сложив руки за спиной, задумчиво оглядел наш строй и, наконец, произнёс:

– Все слышали? Повторять никому не нужно?

Поскольку мы молчали, взводный удовлетворённо кивнул и продолжил:

– С обозом пойдут Рюдигер и Кепке! Кепке, – старший. Остальным: пять минут на опраться, потом пять минут на сборы. Кто что забудет, – пеняйте на себя! Командирам подразделений проверить. Рразойдись!

Строй распался: кто кинулся орошать ближайшие кустики, кто набирать из огромной бочки в кружки воды, чтобы почистить зубы... Я решил начать с зубов, потому что всё остальное можно сделать попозже и без очереди, что самое главное.

Времени хватило на всё, и уже через 10 минут мы стояли в полной боевой выкладке, готовые к маршу. Рауш что-то втолковывал остающимся Отто и Кепке. Если Рюдигер не проявлял никаких эмоций, то наш ездовой, гефрайтер Адольф Кепке, постоянно кивал головой на слова обер-фельдфебеля. Со стороны он был ну очень похож на китайского болванчика. У меня Кепке вызывал неприязнь, причём не столько из-за своего внешнего вида, – низенький, толстенький, кривоногий, с мелкими острыми зубами, – сколько из-за своего сволочного характера. Он считал себя очень крутым гефрайтером, практически ровней унтер-офицерам, а с нами, обычными солдатами, общался очень высокомерно. Это вообще была нормальная практика для группы управления, к которой он имел счастье принадлежать. Попав не в обычное строевое подразделение и находясь в особых отношениях с начальством, такие индивидуумы быстро начинали считать себя выше других солдат. Но Кепке бил все рекорды по чрезмерному чувству собственного величия. Естественно, ездовой был самой презираемой фигурой из всей группы управления. В неё входили, помимо него, ещё денщик командира взвода, посыльный и горнист. Командовал этим подразделением раньше замкомвзвода, – обер-фельдфебель Рауш, но сейчас он замещал вакантную должность непосредственно командира взвода, поэтому группа управления осталась без твёрдой руки командира. Нормальным парнем в этом гадюшнике был только посыльный, – рядовой Герхард Штубе, недоучившийся студент-историк Венского университета. Компанейский, весёлый, жизнерадостный, – он единственный, кто не ставил себя выше остальных солдат. Штубе со всеми был в хороших отношениях: даже с

Кепке посыльный находил общий язык. Прозвище у Герхарда, естественно, было «Студент». Денщик же и горнист были земляками из Линца. Оба маленькие и неказистые, – словно близнецы-братья. У них даже фамилии были одинаковые – Вебер. Имена разные, конечно, но по именам их мало кто звал, – в основном, по фамилиям или по прозвищам: денщик был у нас Гензель, а горнист, – Гретхен. Их это жутко бесило, но поделаться с этим они ничего не могли. Впрочем, и мы старались прозвищами не злоупотреблять и пользовались ими, в основном, только в своём кругу.

Итак, со стороны головы эшелона раздался долгожданный свисток, – колонна тронулась в темноту. Оглядываюсь на наш вагон, – Отто достал платок и машет нам вслед, фальшиво вытирая несуществующие слёзы. Вот клоун! Толкаю Райзингера в бок:

– Смотри, как Отто по нам скучает. Не успели уйти – уже слёзы рекой.

Оборачиваясь, Эмиль усмехается:

– Вот придурок! Как его вообще в армию взяли?

Шагающий слева от меня Викинг тоже оглядывается, но ничего не говорит, – только качает головой. Пройдя вдоль всего эшелона, сворачиваем на грунтовку.

Мы идём по этой лесной дороге уже около часа, и сколько ещё так топтать, – неизвестно. Солнце показалось из-за горизонта, но припекать ещё не начало, – температура пока вполне комфортная. Не холодно, но и не жарко. Пахнет лесом, где-то в его глубине поют птицы. Красота! Почти идиллическую картину портят только вездесущие комары, которые атакуют нас с упорством, достойным лучшего применения. Коробка с лентами и запасной ствол напоминают о себе всё чаще и весят с каждым пройденным десятком шагов всё больше. Кроме оружия и боеприпасов, каждый из нас несёт за плечами ранец «торнистер» с притороченной к нему плащ-палаткой и одеялом, газбак, лопатку, сухарную сумку, флягу и прочее положенное имущество. Хорошо ещё, что каски разрешили снять и на голову ничего, кроме пилотки, не давит. Викинг рядом каждые сто шагов перекладывает свой MG-34 с плеча на плечо. Эмиль тоже тащит свои коробки с лентами на пределе сил. Всем тяжело, все устали. Давно смолкли разговоры и шуточки, – слышен только топот множества ног, тяжёлое дыхание соседей, да редкое чертыхание сбившего ногу солдата. И вот, когда казалось, что мы никогда уже не дойдём до казарм или чего ещё там для нас приготовлено, – раздался глас с небес:

– Веселей, парни! Осталось каких-то жалких полтора километра, – и мы дома!

Я сначала даже и не понял, почему голос обер-лейтенанта Гренца слышится вроде как сверху и даже мельком взглянул в светлеющий небосвод, но потом увидел ротного, проезжающего вдоль нашего растянувшегося строя на лошади. Викинг хмыкнул и тягуче сплюнул себе под ноги:

– Да уж, сидеть на лошади всяко веселее...

– Кто на что учился, Йенс! Был бы ты ротным, – тоже сейчас гарцевал перед нами! – подмигнул обернувшийся к Лерману обер-гефрайтер Модель, – старший стрелок нашего отделения.

– Будь я ротным, – вы бы у меня вообще бегом бежали, – тяжело отдуваясь, произнёс Викинг, – Для профилактики.

– К счастью, бодливой корове господь рогов не даёт...

– Отставить разговоры в строю! – вмешивается в диалог Рауш, – Раз силы языком молоть есть, – то и вправду сейчас побежите у меня!

Тем временем, мы подтянулись к какому-то перекрестку: вернее, – к отходящей влево, вглубь леса, неприметной дорожке. Группа управления и первый взвод уже свернули на неё, теперь настала и наша очередь. Оглянувшись, я увидел колонну третьего взвода и пародию на строй наших ротных тыловиков, идущих замыкающими. Несмотря на то, что было уже

довольно светло, следующих за ними 11-й и 12-й рот, не увидел: видимо, их скрывал изгиб дороги.

Лес расступился, и нашему взору открылась большая поляна с парой одноэтажных построек. Судя по запаху свежего дерева и нескольким огромным кучам стружки, – это лесопилка. По периметру поляны, в 10-15 метрах от опушки, видны большие палатки, расставленные среди деревьев. Ага, похоже, наш лагерь будет находиться именно здесь.

– А это ещё кто такие? – вытянув шею, спрашивает Эмиль.

Смотрю по направлению его взгляда и вижу какое-то подразделение, которое стоит напротив одного из домиков.

– А это, господин Райзингер, наши гостеприимные хозяева из 9-й роты! – раздаётся сбоку голос Рауша, – Они тут уже неделю находятся, – готовят лагерь для всего батальона. Вон, палатки на всех поставили. Построили столовую, уборные, облагородили территорию к нашему прибытию.

Колонна подходит ближе, уже можно разглядеть знакомые лица парней из 9-й роты. Нельзя сказать, что при виде нас их лица светятся от счастья, но мы их прекрасно понимаем. В сложившейся ситуации, другого ожидать было бы странно: впахивать тут неделю за весь батальон, а потом встречать «халявщиков», пришедших на всё готовенькое, да ещё и построившись в 4 утра, – так себе радость. Тем временем, батальон выстраивается по фронту. Посматриваем на прибывающие вслед за нами из леса роты: 11-я и 12-я подошли, больше никого. Интересно, а где остальные? В Варшаве в наш эшелон грузились ещё и два артиллерийских полковых подразделения: 13-я рота пехотных орудий и 14-я рота противотанковых орудий. Мы видели, как они в предрассветной темноте покидали состав, и думали, что «боги войны» следуют прямо за нами. Но нет, – видимо, отстали по дороге. Или вообще будут в другом месте дислоцироваться.

– Интересно, а где наши пушкари? – спрашиваю я у Викинга.

– Не знаю, – отмахивается Лерман. Видно, что он дико устал и всё пытается как-нибудь половчее перехватить свой MG-34, что, однако, ему не очень удаётся.

– Может, позже подойдут? – это Райзингер подал сзади голос.

– Конечно, попозже – им ведь ещё свои пушки разгружать! Это не мы: винтовочку подхватил, – и иди куда хочешь налегке... Да, Лерман? Викинг не даст соврать, – обращаясь к нам, со смешком произносит Модель.

Он пытается поддеть Лермана, намекая на его вовсе не лёгкий одиннадцатикилограммовый пулемёт, но тот не настроен на веселье, поэтому просто игнорирует слова обер-гефрайтера. Модель, кстати, тоже ветеран, – воевал и в Польше, и во Франции. Он – единственный в нашем отделении, кто награждён «Железным крестом 2-го класса». Помимо этого, на груди старшего стрелка красуется, как и у Викинга, «Нагрудный пехотный штурмовой знак». К тому же, они с Лерманом давно знакомы и состоят в приятельских отношениях. Любой другой бы поостерегся подшучивать над пулемётчиком.

Наконец, перед батальоном вышел его командир, – гауптман Пракса, и произнёс короткую, но пламенную речь о том, что жить нам предстоит в этом лесочке. Светомаскировку не нарушать, распорядок дня соблюдать, расположение без приказа не покидать. Передал слово командирам рот и откланялся. Обычные общие фразы, – ничего более. Зачем мы здесь, надолго ли, – гауптман не сказал. Надеюсь, выступление следующего оратора будет более информативным.

Далее вышел наш командир роты, обер-лейтенант Гренц, и вкратце пересказал нам только что слышанную речь Праксы. В конце добавил, что подробно всё доведут командиры взводов и тоже ушёл. Ну что же, – делать нечего, послушаем взводного.

Обер-фельдфебель Рауш прошёлся перед строем, встал перед нами, как обычно заложив руки за спину, и сообщил, что размещаться мы будем в одной из палаток, – там, дескать, всё готово. Где уборные, кухня, столовая и вообще что где находится в этом лесу, – разби-

раться придётся самим. Пока же взводный может показать только место нашего расположения. Поскольку полевые кухни 9-й роты накормить горячей пищей весь батальон не смогут, а наши ещё в пути с обозом, – то на завтрак будем есть свой сухпай. Но это будет ещё только через два часа. А пока, – идём заселяться, назначаем дежурную службу и занимаемся личной гигиеной. Справа, в колонну по одному, за взводным, шагом! – марш! И мы побрели к палатке...

Глава 3

Наше парусиновое жилище оказалось симпатичным только снаружи. Внутри палатки не было ни полов, ни нар, ни пирамиды для оружия, – только голые стены. Так что, после завтрака, нам предстояло заниматься плотницким делом, – благо материала вокруг хватало. А пока, мы сложили ранцы и оружие на землю рядом с палаткой, под охрану суточного наряда. Мой напарник, Отто, ещё не вернулся, поэтому Рауш выделил в качестве временной замены рядового Михаэля Кляйна, – стрелка из моего отделения. Он парень спокойный и покладистый, так что проблем с ним не ожидалось. Оставив его на охране имущества и оружия, я решил последовать совету обер-фельдфебеля и заняться личной гигиеной. Метрах в пятидесяти от палатки находился дощатый сарай уборной, чуть ближе располагались умывальники. Как я понял, для каждой роты эти сооружения были свои.

Приведя себя в порядок, решил немного пройтись по лагерю и посмотреть что где. Пока ходил среди деревьев, – чуть не потерялся, но, на удачу, встретил своего знакомого из 1-го взвода: Ганса Тойчлера. Мы с ним жили в Линце в одном дворе до армии и учились в одной школе. Он всего на два года меня старше, но уже гефрайтер и командир отделения. Боевой опыт тоже имеется: Тойчлер повоевал под Олешнице в Польше и форсировал Эну во Франции. Мы оба обрадовались встрече, но поговорить толком не удалось, – времени не было. Так, перекинулись парой фраз. Узнав, что я понятия не имею в какую сторону идти, чтобы добраться до своего взвода, Ганс рассмеялся:

– Ну и солдат из тебя, Макс! Заблудился в трёх соснах!

– Да тут ориентиров никаких: везде деревья да палатки одинаковые! – оправдываюсь я.

– Ладно, не заливай мне про географический кретинизм, – всё равно не поверю. Вон, там твои камрады стоят, сразу за расположением второго взвода, – вытянул руку, указывая направление, Тойчлер.

– Спасибо, Ганс! До встречи!

– Давай, Макс! Увидимся!

Распрощавшись с гефрайтером, я бодро зашагал в нужную сторону. Не успел пройти и пары десятков метров, как наткнулся на обер-фельдфебеля Рауша:

– Ланге?! Что это ты шатаешься по лагерю? Я же тебя лично назначил дневальным! Что ты делаешь здесь, если твоё место в палатке?

– Виноват, господин обер-фельдфебель! Шёл из уборной и заблудился! – бодро соврал я.

– Как можно заблудиться, если уборная находится вообще в другой стороне???

– Господин обер-фельдфебель, – сам не понимаю! Я – житель городской, к лесу не привык...

– Что за бред ты несёшь?

– Виноват!

– Вот именно! Городской житель... – хмыкнул Рауш, – Виноват – накажем. Рядовой Ланге!

– Я, господин обер-фельдфебель!

– Смирно! Объявляю Вам наказание: два часа занятий строевой подготовкой! Место и время проведения, – сегодня после отбоя, перед палаткой взвода! Доложите о наказании своему командиру отделения.

– Есть два часа занятий! – повторяю я, преданно смотря в глаза Рауша.

– Вольно. В распоряжение... Бегом... Марш!

Стремительно срываюсь с места и бегу к палатке что есть силы. Ну, надо же так попасться! Теперь, вместо нормального сна после смены, – два часа маршировать... Спасибо большое, господин обер-фельдфебель! Вот ведь фашистская морда!

К полудню подтянулись 13-я и 14-я роты, – они действительно долго выгружали лошадей и свои пушки. Чуть раньше появились тыловики-обозники вместе с нашим барахлом, полевыми кухнями и прочим имуществом. К этому времени, взвод как раз успел соорудить из досок пол и почти закончил сколачивать нары. Я пытался увильнуть от плотницких работ, – мол, я же дневальный, – охраняю тут в теньке покой работающих камрадов... Однако, мой командир отделения, унтер-офицер Винсхайм, в крайне неліцеприятной манере объяснил мне, что я ошибаюсь. Эх, скуден, конечно, немецкий язык на ругательства... То ли дело какой-нибудь наш сержант! Он так выдал бы, – любо-дорого послушать! А здесь что? Ну, никакой фантазии... Впрочем, когда слышишь громкую немецкую речь, то и так складывается впечатление, что тобою или сильно недовольны, или призывают воевать за Рейх... Никакой мелодичности. Другое дело, – немецкое авторское кино про какого-нибудь сантехника, зашедшего прочистить трубы к домохозяйке. Там – сплошное ласковое бормотание, но тебя всё-таки не отпускает ощущение, что кого-то сейчас всё равно ата-га. Удивительный для восприятия язык, в общем.

Как бы то ни было, а мне всё-таки пришлось таскать доски и вытаскивать потом из рук многочисленные занозы.

После обеда, Отто, наконец-таки, сменил Кляйна и, в процессе строительных работ, вкратце поведал о своих утренних приключениях:

– Как только вы ушли, – этот хорёк, Кепке, припахал меня приводить в порядок вагон, а сам ускакал, дескать, лошадей разгружать. И с концами! В итоге, я и вагон убирал, и потом повозки помогал разгружать, и лошадей! А этого Кепке я только тогда увидел, когда он прибежал откуда-то с ужасно деловой рожей и начал возмущаться, что я и коня нашего не покормил, и запряг плохо, и в тележку всё криво сложил! Мол, не доглядел олух Рюдигер: по-любому не хватает теперь чего-нибудь! Чуть не вмазал ему там!

– Да уж, вот действительно, – мерзкий тип, – поддержал я Отто.

– И не говори! А уж как он вокруг штабсфельдфебеля Лёра увивался! Только что не лизал его! И так изогнётся, и эдак... Зажигалку-то первым подаст, любой шутке лейтенанта смеётся громче всех... Фу, мерзость! Видно, хочет подальше от нас свалить: ведь в полковом тылу всяко приятнее среди консервов прятаться, чем во взводе суетиться!

– Ну и как Лёр? Принимал ухаживания? – я начинаю смеяться, представляя, что мог вытворять перед штабсфельдфебелем Кепке.

Отто, глядя на меня, тоже начинает хихикать:

– Нет, тот держался невозмутимо и на нашего конюха внимания не обращал. Сватовство не удалось.

Далее, Рюдигер рассказал, как они ждали артиллеристов, которые уронили при разгрузке пушку, как долго формировали колонну. Потом не могли начать движение, – пропускали какую-то воинскую часть по дороге. В итоге, наконец, тронулись. Пока двигались, – их обгоняли бесконечные грузовики, и прошло даже несколько танков. Дороги забиты войсками. Что-то будет.

– Что будет? Война будет.

– Какая война? С кем? – Отто искренне недоумевает.

– Ну как же? – в свою очередь удивляюсь я – С Советским Союзом, конечно. Мы ведь у его границ сейчас находимся. И войска эти все не просто же так сюда стянули!

– Да брось, у нас с ними договор! Фюрер не допустит войну на два фронта!

– А для чего тогда столько войск здесь, а?

– Ты и вправду не догадываешься? – Отто с сомнением смотрит на меня, как будто ища на моём лице признаки умственной неполноценности.

– Мне очень хочется послушать твою версию, знаток.

– Это же элементарно, Макс! – доверительно наклонив голову в мою сторону, начинает свой рассказ Рюдигер.

– Как известно, в России грядёт антикоммунистическая революция, – поднимая палец вверх и многозначительно смотря мне в глаза, произносит он.

– Откуда такие сведения? – я искренне поражён подобной информацией.

– Разве Геббельс будет врать своему народу? – в еврейском стиле вопроса на вопрос восклицает Отто и тут же продолжает:

– Германия очень заинтересована в победе революционеров и, как может, поддерживает их. Ну, как в 1917 году было, помнишь?

– Смутно припоминаю.

– Вот поэтому мы и здесь, – как гарантия того, что готовы оказать помощь военной силой, если переворот столкнётся с проблемами. Хотя, это вряд ли произойдёт, – заговорщики сильны и представляют армейские круги. Так что, армия не выступит.

– Потрясающая гипотеза, давай дальше.

– Ну, и далее, в благодарность за поддержку, Германия от установившейся в России военной диктатуры, получает в аренду Украину с её огромными запасами продовольствия!

– Ты серьёзно?

– Конечно! Это уже, практически, решённый вопрос! У них море земли, – что им стоит отдать небольшой кусок, тем более всего лишь в аренду? Скажу больше: существует договорённость, что после этого вермахт проходит через Украину, Кавказ и выходит к Суэцкому каналу!

Тут я не выдержал и откровенно рассмеялся, слушая этот бред, который нёс Отто с абсолютно серьёзным лицом.

– Ничего смешного, между прочим! – обиделся Рюдигер, – Когда мы овладеем Суэцким каналом и перережем этот важнейший на Востоке путь, – западные державы будут вынуждены подписать с нами мирное соглашение!

– Да ты что? Прямо таки и подпишут? – продолжал веселиться я.

– Вот увидишь! Деваться им будет некуда!

Смахивая выступившие на глазах от смеха слёзы, я ответил:

– Это всё ерунда, Отто, – говорю тебе. В России не будет революции. Никакой Украины нам никто не отдаст и на Кавказ не пустит. Мы здесь для того, чтобы воевать с Советским Союзом. И я тебя уверяю, – не пройдёт и недели, как ты в этом убедишься!

– Твои слова настолько нелепы, что я даже не буду с тобой спорить, – отмахнулся от меня Отто.

– Ну, это дело твоё. А я бы с удовольствием поспорил на твой оставшийся чеснок. Выиграл бы, – и выкинул его подальше, клянусь Богом! – подмигнул я Рюдигеру.

– Ха! Мне интересно: что бы ты отдал мне, когда я выиграю?

– Да что угодно! – я был абсолютно уверен в своей победе.

– Что угодно? – Отто в задумчивости закатил глаза и сделал сложное лицо.

– Что угодно.

Через пару секунд его лицо расцвело в улыбке до ушей, он хлопнул меня по плечу и сказал:

– Когда проиграешь, – будешь на карачках ползать по палатке при всём взводе, хрюкать и кричать «я больше никогда не буду спорить с Отто Рюдигером!»! Идёт?

– Театральное представление против тонны чеснока? Идёт!

Мы скрепили наше пари рукопожатием и продолжили работать.

К вечеру наша палатка приобрела жилой вид. Внутри стояли новенькие двухъярусные сосновые нары, пирамида для оружия, появились пара столов и несколько длинных лавок. Восхитительно пахло свежими досками. Солдатские ранцы было решено запихать под нары, – возиться со стеллажами для них никому не хотелось. Мы с Отто сменились, передав бразды правления суточным нарядом парням из третьего отделения.

После ужина, по распорядку, – свободное время до вечерней поверки. Кто-то сел писать письма, кто-то зашивать порванную во время сегодняшней работы форму, некоторые просто бесцельно болтались вокруг палатки. Выходить из расположения роты, обозначенного на местности широкой жёлтой лентой, натянутой между деревьями, запрещалось. Поскольку зашивать было нечего, – решил написать письмо родителям и сестре. Не то чтобы я этого сильно хотел, – просто интересно было, как вообще всё получится. Вышло на удивление легко. Я просто расслабился и дал возможность Максиму написать то, что он считал нужным. Ничего особенного: жив, здоров, привет родственникам, сестра пусть слушается родителей, с пламенным приветом ваш сын. Заклеил конверт и бросил в ящик для писем, – с утра ротный почтальон заберёт.

Как-то незаметно подошло время вечерней поверки. Живя в предместьях Варшавы, мы обычно ходили вечером на строевую прогулку, иногда даже с песней. Ну, это если настроение у обер-фельдфебеля будет. Здесь же, как оказалось, это правило отменили, чему все были несказанно рады. Как мне успел шепнуть с утра Ганс Тойчлер, – их взводный, лейтенант Вильч, собрал всех унтер-офицеров и показал на карте наше месторасположение. Оказывается, мы стоим совсем рядом с Тересполем, – немного севернее его. И граница с Россией от нас, примерно, в пяти – шести километрах по прямой. Может быть, из-за соображений скрытности, нам и запретили строевую прогулку? Хотя... Дороги забиты войсками, днём перегоняют даже танки! К чему эти тщетные попытки замаскировать наше здесь нахождение? Ночная выгрузка, запрет на строевые песни... Ерунда какая-то! Это всё равно, что красться на цыпочках по грохочущему цеху Сталинградского тракторного. С другой стороны, – мы наверняка находимся в прямой видимости русских наблюдателей. Что значат какие-то жалкие 5-6 километров для человека с биноклем? Не бог весть какое расстояние! Так что, от явного обнаружения наш батальон спасают только деревья. Да, по сути, мы располагаемся действительно очень близко к границе!

Граница... Меня не оставляет мысль о моих дальнейших действиях, но прийти к какому-либо решению пока не удаётся. На настоящий момент, мне известно лишь то, что до Буга дойти нереально. Судя по всему, – войск вокруг предостаточно. Плюс пограничные наряды непосредственно на подходах к реке. Не удивлюсь, если они усиленные. «Затеряться в гуще войск» при правильной организации службы невозможно. А она сейчас правильная. Я вспоминаю читанных ранее писателей. Тех самых, – альтернативщиков из будущего. Их бы сюда! Сколько фантастических рассказов про переодевание в форму противника... Всё у них просто: переоделся, пристроился к строю солдат или колонне, – всё, тебя приняли за своего: в форме же! Такое ощущение, что из писателей никто никогда не служил в армии. Да через две недели службы ты будешь знать сослуживцев как облупленных! Про батальон не говорю, но весь личный состав своего родного взвода, не говоря уже об отделении, своё место в строю, и соседей, тебя окружающих, – запомнишь как «Отче наш»! Ну, а остальных солдат роты будешь узнавать, как минимум, в лицо. И увидеть незнакомца, в таком случае, очень даже просто. Тем более, – не составляет труда отличить визгливый голос гефрайтера Кепке от прокуренного баса русского разведчика, только что убившего ездового и пытающегося выдать себя за него своим насквозь фальшивым «я, я!» Как можно их спутать??? Только полный имбецил или Красная шапочка из сказки не могут отличить знакомый голос от чужого и дать приблизиться неопознанным личностям на расстояние броска. Нет, такое может случиться, конечно, но это будет вариант из разряда один на тысячу.

В моём случае, и с формой, и с содержанием всё нормально, но самовольное оставление части... Буквально накануне войны... Без пропуска... По забитым войскам окрестностям... Да я даже до палатки первого взвода не дойду, – меня сразу сдадут как нарушителя, причём свои же!

Кстати, о нарушениях: как оказалось, после отбоя на дополнительные занятия по строевой подготовке пришёл не только я. Компанию мне составил вездесущий Отто «Чеснок» Рюди-

гер и толстяк Иоганн Грубер из миномётного расчёта. Первый отливал в кустик прямо напротив нашей палатки, – лень до уборной было дойти, а второй сожрал весь свой сухпай на трое суток. Рюдигера поймал лично обер-фельдфебель Рауш, а Грубера – его командир расчёта, унтер-офицер Мюллер. Несмотря на предстоящее наказание, настроение у меня поднялось. Всё-таки, одному страдать не в пример хуже, чем с коллективом. От избытка чувств я даже промурлыкал хит «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Естественно, на русском. Коллеги по несчастью недоуменно на меня уставились, а Отто даже поинтересовался: что это было? Пришлось отбрехаться, что ещё когда-то давно, в школе, учил русский и вот, кое-что помню. Пронесло, конечно, но сердце чуть из груди не выскочило, – до того я замандражировал. Нужно быть осторожнее в дальнейшем.

Хотя, можно тему и развить. Сказать, что соседние пацаны во дворе были дети эмигрантов из России и пытались меня научить русскому. Ну, чтобы более-менее легализовать своё понимание языка, – на всякий случай. Чтобы никого не удивлял сей факт. Думаю, так спокойнее будет. Только сделать это нужно тонко, ненавязчиво.

Мои мысли прервали появившиеся обер-фельдфебель Рауш и унтер-офицер Винсхайм: – Смирно! – заорал Отто, принимая строевую стойку.

– О, боже! Команда «смирно!» после отбоя не подаётся, рядовой Рюдигер, – поморщившись, произнёс Рауш.

– Бери этих двоих и начинай, Курт, – это он уже Винсхайму, – а с Рюдигером я, пожалуй, поработаю лично.

Поскольку ходить строевым среди деревьев было явно неудобно, – мы отправились на поляну рядом с лесопилкой.

Только приступили к шагистике под зычные команды Винсхайма, как появился лейтенант Вильч, – дежурный по батальону.

– Господин унтер – офицер, а что здесь происходит?!

– Унтер-офицер Винсхайм! – вскинул руку к виску Курт, – провожу строевые занятия с провинившимися солдатами, господин лейтенант!

– Это похвально. Поддержание дисциплины в подразделении, – важнейшая задача командира отделения. Тем не менее, осмелюсь спросить: почему нужно маршировать в темноте и под окнами расположения офицерского состава? Вам разве не довели порядок наложения дисциплинарных взысканий в пункте временной дислокации?

– Никак нет, господин лейтенант! – Курт вытянулся по стойке «смирно!» и ел глазами Вильча.

– Странно... Вы же из 2-го взвода, верно? Неужели обер-фельдфебель Рауш вам ничего не сказал?

– Ничего, господин лейтенант!

– Ну, тогда пойдёмте в ваше расположение, господин унтер-офицер, поинтересуемся у Рауша причиной столь странной забывчивости. Заодно и на то, как разместился второй взвод, посмотрю. Командуйте, – отступая в сторону, кивнул на нас Вильч.

В душе радуясь неожиданному освобождению от ненавистных строевых занятий, мы направились к лесу. Вот и наша палатка. Но что это? В вечерней тишине, окутавшей лагерь, ясно доносится чья-то речь. Слышалась она со стороны уборной, которая располагалась несколько на отшибе по отношению к палаткам роты. Сделав знак следовать за ним, лейтенант Вильч двинулся вперёд. Чем ближе мы подходили, тем явственнее слышались команды:

– Лечь! Встать! Лечь! Встать!

– Чёрт, да это же Рауш! – воскликнул я, узнав голос нашего обер-фельдфебеля.

Лейтенант никак не отреагировал на мою реплику и шагнул за угол дощатого барака, являющегося нашим ватерклозетом.

Судя по всему, Рауш тоже узнал мой голос:

– Эй, кто там шляется по темноте? Это ты, Ланге? Не рано ли Винсхайм закончил...
Господин лейтенант! – наш взводный, наконец, заметил Вильча.

– Да, это я, господин обер-фельдфебель. Смотрю, воспитываете личный состав?

– Так точно, воспитываем!

– Воспитание – это хорошо. Но ещё лучше, если оно не идёт вразрез с приказами командования. Понимаете, на что я Вам намекаю?

К сожалению, в спустившихся сумерках мне не было видно лиц, но то, что наш взводный смутился, – я почувствовал даже на расстоянии.

– Кхм... Я понимаю о чём Вы, господин лейтенант. Разрешите отправить солдат спать?

– Разрешаю.

– Всем отбой, Винсхайм старший. Приду – проверю. Свободны!

Мы повернулись и побрели к палатке. Чем там закончился разговор Вильча с Раушем я не знаю, но не думаю, что нашему взводному сильно попало. Всё-таки, несмотря на разницу в званиях, должности-то они занимали одинаковые. Когда вошли в палатку, я спросил Винсхайма:

– Курт, про что лейтенант говорил? Здесь что, свой особенный закон? Какой-нибудь лесной Устав?

– Не слышал об этом, – покачал он головой – нам тоже никто ничего не говорил. Но, думаю, мы скоро всё узнаем. Давай в койку, «отбой!» была команда!

О, да: уж чего-чего, а команда «отбой», – самая любимая. Как говаривал Ведьмак, – меня уговаривать не нужно. Поэтому, раздевшись, я сноровисто забрался на свой второй ярус и почти мгновенно уснул. Устал так, что вырубился даже несмотря на «запах молодых львов», который уже плотно стоял в палатке взвода. Засыпая, в голове мелькнуло удивление, что суровый мужской аромат с лёгкостью перебил запах свежего дерева, которым просто пропиталась наша палатка сегодня. Ну, арийцы, ну дают! Хоть бы носки стирали перед отбоем! Тоже мне, – раса господ...

Глава 4

Следующий день начинался вполне обычно: подъём, зарядка, личная гигиена, утреннее построение. Глядя сощуренными со сна глазами на вскакивающих с двухъярусных нар полуголых людей, сначала вообще не понял где нахожусь и что, собственно, происходит. Длилось это замешательство буквально пару секунд, но я всё-таки успел мысленно выматериться: чёрт, а я ведь по-прежнему здесь... За ночь ничего не поменялось. Нет, ну а вдруг? Ррраз – и проснулся бы дома, подивившись столь чудному сну. Пришлось присоединиться к подгоняемым криками командиров отделений доблестным солдатам Вермахта и покинуть особо уютную в 6 утра постель. Я сел на своём втором ярусе и, свесив ноги, стал наблюдать за метаниями рядового Рюдигера. Судя по всему, бедолага Отто был полностью дезориентирован и не понимал где находится. Впрочем, это и не удивительно: позавчера – казарма в Варшаве, вчера – теплушка в эшелоне, сегодня – палатка в лесу... Добавьте к этому ободряющие выкрики и свистки унтер-офицеров для полноты картины, чтобы иметь полное представление о происходящем.

– Боже, ну зачем так орать? – страдальчески пыхтел внизу Эмиль, пытавшийся, прыгая на одной ноге, попасть второй в сапог.

– Это они вымещают свою злость за то, что их подняли на 15 минут раньше нас, – предположил я.

– Ланге! Была команда «Подъём!» или она тебя не касается?

О, я заслужил персональное обращение от Винсхайма. Нужно как-то отреагировать. Оправдаться тем, что спрыгнуть вниз мешает скачущий на одной ноге Эмиль и мечущийся до сих пор ошалевший Отто, мне помешал последний. Рюдигер наконец-то вспомнил, кто он и где находится. Оценив ситуацию и ужаснувшись тому, что может и не уложиться в норматив по подъёму, Отто принял решение ускориться. Казалось бы: ну что может помешать нормальному солдату выбежать из палатки? Правильно: нормальному – ничего. Рядовой Отто Рюдигер не был нормальным солдатом, поэтому на всём скаку протаранил головой одну из подпорок палатки. Как говорится: вижу цель – не вижу препятствий. Палатку тряхнуло. Мне кажется, к этому столкновению он тщательно подготовился. Потому что бежал в трусах и каске. Единственный из взвода. Что заставило нашего Отто надеть каску вместо сапог – загадка. Но факт остаётся фактом: он не только каску надел, но ещё и застегнул ремешок под подбородком.

Нужно признать – бежал Отто красиво. Но недолго. Встретив неожиданное препятствие в виде здорового бруса, Рюдигер изменил траекторию, по которой до этого двигался. Проще говоря – упал аккуратно на пирамиду с карабинами. В боулинге это, кажется, называется «страйк». Когда затих звук последнего упавшего Kar-98k, в палатке воцарилась гробовая тишина.

Пользуясь случаем, я спрыгнул на пол и буквально в два движения надел сапоги. Чего там Эмиль мучился? В такие широкие голенища да с такими, как у него, худыми ногами можно и с закрытыми глазами попадать. Пока влезал в сапоги, – кинул мельком взгляд по сторонам. Курт стоял с выпученными глазами и беззвучно открывал и закрывал рот, Эмиль застыл столбом перед упавшим Отто. Беккер, дневальный из третьего отделения, уже было вышедший из палатки, обернулся на шум, да так и замер у самого выхода. Первым в себя пришёл, как ни странно, человек-таран Рюдигер. Он завозился на полу, пытаясь выбраться из-под груды оружия. И сразу всё ожило и задвигалось. Унтер-офицер Винсхайм снова обрёл голос и, страшно ругаясь, кинулся к упавшему Отто, которого уже пытался поднять Эмиль. Немного подумав, к процессу присоединился и я. Беккер же, тем временем, выскочил из палатки. Докладывать помчался, – подумал я и не ошибся. Буквально через несколько секунд на пороге возникла фигура обер-фельдфебеля Рауша, сопровождаемая Беккером. Он что-то говорил взводному, но тот его не слушал, а молча смотрел на открывшуюся его взору картину, широко расставив

ноги и, как обычно, держа руки за спиной. Со стороны эти двое здорово смахивали на Шерхана и Табаки.

– Почему-то я даже не удивлён, – наконец, произнёс Рауш.

Мы приняли строевую стойку. Отто, услышав знакомый голос, но не видя откуда он доносится, из-за сползшей на глаза каски, вскинул руку в воинском приветствии и бодро доложил в пустоту:

– Виноват, господин обер-фельдфебель!

– Ау, Рюдигер! Я здесь.

Отто приподнял каску, определил своё местоположение в пространстве и развернулся, наконец, лицом к взводному.

– Так точно, господин обер-фельдфебель!

– Мда... Значит так. Вы двое, – кивнул в нашу сторону Рауш, – Пока взвод на зарядке, – приводите здесь всё в порядок. Через 20 минут пирамида на месте, карабины расставлены. Задача ясна?

– Так точно! – хором ответили мы с Эмилем.

– Вы, унтер-офицер Винсхайм, – отведёте Рюдигера в медпункт на предмет полученных травм и возможности дальнейшего исполнения им служебных обязанностей. Выполнять! – и, круто развернувшись, вышел из палатки.

Пока Отто одевался, а мы устанавливали на место пирамиду и выставляли карабины, наш командир отделения, расхаживая по палатке и, заламывая в самых драматических местах руки, высказывал всё, что думает о рядовом Рюдигере. Как о человеке и как о солдате. Взывая к небесам, спрашивал: в чём он, унтер-офицер Курт Винсхайм, провинился перед Богом? За что ему достался такой подчинённый? За какие грехи?

– Ты знаешь, Рюдигер, что будет, если ты выкинешь что-нибудь этакое в военное время, а? Да тебя просто расстреляют! Шлёпнут – и всё! Ты это понимаешь?

Отто понимал, но благоразумно помалкивал.

– Нет, Рюдигер, ты не понимаешь! – не унимался Курт – Потому что, когда тебя расстреляют, спросят: а кто у него был командиром отделения? Ах, это унтер-офицер Винсхайм! Подать его сюда! Как же Вы выполняли свои обязанности, любезный, если Ваш подчинённый такое вытворяет?! А я что? А мне и сказать-то нечего! И тогда меня тоже расстреляют, Рюдигер! За компанию! И меня это совершенно не устраивает, понимаешь?

Ходивший до этого из угла в угол Винсхайм, наконец остановился напротив Отто:

– Официально предупреждаю: ещё одно замечание – и я буду ходатайствовать о твоём переводе, Рюдигер, из моего отделения. Да что там из отделения, – из взвода! Обер-фельдфебель Рауш меня в этом вопросе с радостью поддержит! В обоз! Туда пойдёшь, лошадям хвосты крутить! Ясно?

– Так точно, господин унтер-офицер! – вытянулся потенциальный обозник.

– За мной!

После того, как Винсхайм увёл Рюдигера в медпункт, мы с Эмилем быстренько закончили расставлять карабины, заправили свои койки и тоже стали одеваться.

– Отто балансирует на грани, – сказал я, натягивая китель.

– Он же не специально. С каждым такое могло случиться, – незамедлительно ответил Райзингер.

– Могло, но ни с кем из сорока человек не случилось.

– Это просто случайность, согласись.

– По большому счёту, – да. Но эта последняя капля переполнила, мне кажется, чашу терпения нашего командования.

– Факт, – согласился Эмиль.

– Рюдигер в Вермахте почти 10 месяцев. Мы же вместе пришли, помнишь?

Райзингер утвердительно кивнул.

– Отто, как и мы, проходил начальное обучение, выучил кучу Уставов, Положений и Правил, так?

– Так. Но я не пойму к чему ты клонишь. Он и тогда вечно попадал в различные истории.

– Верно. Все попадали, но он чаще всех. Тогда это можно было списать на то, что мы были очень далеки от армии. Но, с тех пор прошло целых полгода. Полгода, Карл!

– Какой ещё Карл? – Райзингер недоуменно вытаращился на меня.

– Не обращай внимания, это из фильма одного...

– Какого?

– Не помню названия, вспомню, – скажу, – с раздражением ответил я, – сейчас речь не об этом. Вот из нас, молодых, пришедших в полк, – сколько стали бы, вместо рядом стоящей уборной, отливать в кусты на глазах командира взвода? Или лечь спать на посту у знамени части в карауле? Причём днём? А как он потерял карабин на первом нашем полевом выходе, который потом всем взводом искали?

– Да никто, пожалуй, – засмеялся Эмиль, – А с карабином весело тогда вышло.

– Это точно. Он его бросил, потому что, видите ли, тяжело нести.

– Как его тогда не посадили – ума не приложу.

– Не стали дело раздувать: такое пятно на репутации части и командования никому не нужно, – пожал плечами я.

– Да, скорее всего, ты прав.

Снаружи послышался приближающийся топот: взвод прибыл с физзарядки. В палатку стали забегать взмыленные солдаты.

– Пойдём-ка, Эмиль, зубы почистим, а то потом воды не достанется, – предложил я Райзингеру.

Предложение встретило молчаливое одобрение с его стороны и мы, прихватив мыльнопенные принадлежности, отправились к умывальникам.

На утреннем построении Рюдигер уже был в строю. Как всегда, серьёзен, как всегда, – с мощным чесночным выхлопом. Всё как обычно. Когда он успевает нажраться своего чеснока, – я не понимаю. Вместо чистки зубов, похоже. Спрашиваю как здоровье. Всё в норме, медики ничего у него не нашли: так, пару синяков, ерунда. Крепкий парень.

Стоим, ждём Рауша, но тот сегодня запаздывает. Неспроста это. Чувствую – что-то будет, какую-то новость он нам принесёт. Сегодня 18 июня и новость, по моему мнению, может быть только одна: через четыре дня война. Но поделиться своим предположением я ни с кем не успеваю: звучит команда «Смирно!» и строй застывает. Не спеша, появляется обер-фельдфебель Рауш. В руках у него какие-то бумаги. Ну, точно, – сейчас зачитает приказ Адольфа Алоизыча, я выиграю пари и выкину, наконец, нахрен весь чеснок Отто. Сердце бешено колотится.

– Господа солдаты! Получен приказ! – Рауш держит перед собой лист бумаги.

Вот оно! Началось!

– Для осуществления погрузочно-разгрузочных работ, в порядке трудовой повинности, от нашего взвода выделяются...

Что? Какие погрузки? А как же война? – моему недоумению нет предела. Ерунда какая-то! Впрочем, может Рауш в конце об этом сообщит? Ладно, подождём.

– Рядовой Рюдигер!

– Я!

Ну, это ожидаемо... Кого же ещё? Старый косячник едет на трудотерапию.

– Рядовой Грубер!

– Я!

С этим тоже всё понятно, обжора.

– И рядовой Ланге!

Ланге, – знакомая фамилия...

– Рядовой Ланге! – повторяет Рауш и смотрит на строй.

Чёрт, да это же моя фамилия!

– Я!

– Старший группы. После завтрака прибываете сюда. Вопросы? Вопросов нет. Первая шеренга, – два шага вперёд, вторая, – шаг вперёд, шагом... марш! Кру-гом! Командирам отделений и лицам, их замещающим, приступить к телесному осмотру!

Как? И это всё? А как же приказ? Война? Когда же всё начнётся? Я обескуражен. Может, – это действительно другой мир и войны 22 июня не будет? Ничего не понимаю.

После осмотра и опроса на предмет жалоб и заявлений, мы двигаем в столовую на завтрак. Вот что-что, а кормят в Вермахте хорошо. На завтрак макароны с мясом, белый хлеб, масло, джем, молоко, кофе. Перловки недоваренной и недосоленной нет, унтер-офицеры через минуту взводы не поднимают, как в нашей армии, в чайнике с молоком сухофрукты не плавают, жирные ложки и вилки из пальцев не выскальзывают. Лепота!

Позавтракав, взвод убыл на занятия, а мы вернулись в расположение. Пока шли, – камрады гадали: куда нас направят и что мы грузить будем. Грубер и Отто в один голос мечтали о продовольствии. Я пессимистично сказал:

– Не важно: что грузить. Главное, – чтобы не старым армейским способом.

– Что за способ? – поинтересовался Грубер.

– Да, я о таком тоже не слышал, – помотал головой Рюдигер.

– Ну как же? – удивился я, – Старый армейский способ: круглое, – носить, квадратное, – катать.

– Как это? – искренне удивился Отто.

– Зачем? – подхватил Иоганн.

– Это чтобы интереснее было.

– Да что же тут интересного? Это же глупо! – возмутился обычно флегматичный Грубер.

– Кто вообще будет нести то, что можно катить? И катить то, что удобнее нести?

– Скучные вы люди. Уйду я от вас. Ничего не понимаете в воспитании солдата, – махнул я рукой.

– Как это уйдёшь? Куда уйдёшь? – засуетился Отто.

– Как связаны разгрузка и воспитание? – впал в ступор Иоганн.

Господи, какие они тугие! Или издеваются? Я остановился и с самым решительным видом развернулся в сторону недоумевающих немцев:

– Вы и вправду ничего не понимаете или просто прикидываетесь?

– Не понимаем, – за обоих ответил Грубер. Отто согласно закивал головой.

– Хорошо. Представьте, что вы, – два командира. Отделения, взвода, – не важно. Главное, – у вас есть подчинённые. И подчинённые эти постоянно нарушают дисциплину, попадают в истории и вообще ведут себя не так, как вам хотелось бы. Без уголовных перегибов, конечно, – поспешил поправиться я, видя желание камрадов предать злостных нарушителей суду.

– Взыскания и прочие дисциплинарные наказания воздействия на этих подчинённых не оказывают. Представили?

– Представили.

– Отлично. И вот, в такой ситуации, вам улыбнулась удача: ваше отделение послали разгружать вагон.

– Да уж, так себе удача, – протянул Отто.

– Не перебивай. Допустим, в вагоне оказался щебень. Россыпью. Подчинённых вы оставили у вагона, а сами пошли к начальнику станции. Тот говорит: вагон, – вон там, а лопаты

и тачки, – лежат вот здесь. Вы возвращаетесь к подчинённым с этой ценной информацией и говорите: вот вагон, вот лопаты, а тачек нет. Носим щебень в грузовик на лопатах.

– Как так? – возмущается Иоганн, – Зачем обманывать солдат и заставлять их заниматься таким неэффективным трудом?

– А ты подумай, – усмехаюсь я.

– Я, кажется, понял, – расцветает в улыбке Отто.

– Что ты понял? – с раздражением спрашивает у него Грубер.

– Таким образом можно наказать недисциплинированных солдат!

– Сомнительное наказание, – бурчит Иоганн, – при этом они даже не будут знать за что.

– В этом случае, ничего глобально не поменяется, – парирую я, – Даже зная, за какие проступки их подвергают дисциплинарным взысканиям, – это ведь не заставляло горе-солдат взяться за ум.

– В принципе, логично...

– Но это, – не единственная причина применить старый армейский способ, – подмигиваю камрадам я.

– А какая же ещё? – чуть не хором восклицают солдаты.

– Это отличный способ занять личный состав. Вы же понимаете, что солдат, не занятый делом, – потенциальный преступник?

– Да в какой старой армии так поступают? – не выдерживает Грубер, – Я что-то о такой дикости не слышал!

– Чтобы занять солдат, – есть планы, программы подготовки, различные учебные мероприятия, стрельбы, наконец! – вторит ему Рюдигер.

– Солдат не может быть ничем не занят! – почти кричит Грубер.

– Мы постоянно при деле! Солдат живёт согласно распорядку дня!

Глядя на их раскрасневшиеся, возбуждённые праведным гневом лица, я понял, что идея объяснить им очевидные для российской армии вещи была не самой удачной. А ведь это самое безобидное. Подумаешь, – армейский способ! Вот как бы я объяснял им, например, смысл выражения «когда военно-морская мысль заходит в тупик, – начинается большая приборка»? Эх, орднунг, мать его ити...

– Ладно, хорош орать. Способ старый, у нас не применяется. Наверное. Но это не точно. Пошли!

Нашего обер-фельдфебеля пришлось опять ждать. Впрочем, начальство, как известно, не опаздывает. Несмотря на раннее утро, солнце уже припекало вовсю, поэтому мы расположились в тени одного из деревьев, благо их было вокруг полно. Камрады сидели тихо, – видимо, переваривали последнюю информацию. Я тоже предпочёл помалкивать. Вообще, правильно говорят: «язык мой – враг мой». Не в первый раз уже убеждаюсь в правоте этого выражения.

Наконец, появился Рауш. Что и где будем грузить, – он не знал. Сказал только, что уываем на целый день, и кормёжка будет на месте. От нашего батальона старшим назначен мой старый знакомый, – гефрайтер Ганс Тойчлер, из первого взвода. На время работ мы подчиняемся ему. Сбор через десять минут, перед штабом батальона, то бишь, – зданием лесопилки. Пожелав удачи, обер-фельдфебель Рауш шагнул в палатку. Ну, а мы двинулись к штабу: искать Ганса.

Глава 5

Тойчлер был уже на месте. Я доложил ему о прибытии и гефрайтер поставил аккуратные галочки напротив наших фамилий в своём списке. Затем он, кивком головы, указал на остальных коллег по залётам:

– Пока ждём машину, – располагайтесь. К 9:00 должна прибыть.

Солдаты-штрафники сидели в тени лесопилки, переговариваясь между собой. Увидев подходящих Рюдигера и Грубера, коллектив оживился:

– Смотрите, парни, кто почтил нас своим присутствием!

– Да это знаменитая головная боль десятой роты, – рядовой Рюдигер!

– А второй, наверное, его ученик! самого способного выбрал, не иначе! Что, Отто, – готовишь себе замену? – несло со всех сторон.

Рюдигер лишь усмехался, пожимая тянущиеся к нему руки, после чего бесцеремонно влез между двумя солдатами и уселся у стены. А вот Иоганн, судя по всему, был здорово смущён таким приёмом и стоял перед развеселившимися камадами, переминаясь с ноги на ногу. Зубоскальство и подначки в его сторону продолжались.

– Хорош, ребята! Совсем засмутили парня! Иди сюда, присаживайся! – раздался сбоку голос Баумана, – солдата из 3-го взвода нашей роты. Мы с Бауманом были вместе «в учебке». Интересно: как это его угораздило сюда попасть? По-моему, весь батальон в курсе, что рядовой Бауман у нас на редкость покладист, миролюбив и вообще: положительнее самого плюса. Да у него даже имя Леопольд! «Давайте жить дружно» и всё в этом роде. Впрочем, время узнать причину залёта Баумана у меня ещё будет, надеюсь. А пока же я остаюсь стоять рядом с Тойчлером, чтобы поболтать и узнать, по-приятельски, какие-нибудь интересные новости.

– Как дела, Ганс? Что нового слышно?

– Дела нормально: обустройстваемся. Новостей особых-то и нет. Говорили с лейтенантом, но наш Вильч тоже не знает как надолго и зачем мы здесь. А что у тебя? Расскажи, как тебя вообще угораздило сюда попасть, Макс? Ладно Отто, – но вот тебя здесь встретить не ожидал!

– Как угораздило? За оставление места расположения взвода без разрешения. Помнишь, – вчера в лагере встретились?

– Вот уж причина так причина! А я и забыл, что Рауш у вас – старый уставник, – засмеялся Ганс.

– Да уж, с уставами он на «ты»... Слушай, а что мы грузить-то едем, – не в курсе?

– Честно говоря, – не знаю, – признался Тойчлер, – В штабе, пока за списками ходил, слышал, что едем в местечко Тересполь. Но что там нас ожидает, – не в курсе абсолютно.

– Ну да, Тересполь, всё сходится, – кажется, вслух произнёс я.

– Что сходится?

– Да так, это я о своём, – не обращай внимания. Вон, смотри: не наша машина пылит?

Из-за поворота лесной дороги, по которой мы шли вчера утром, показался не спеша едущий крытый грузовик. За ним, скрытые в клубах пыли, угадывались очертания ещё одного транспортного средства. Машина оказалась не одна, а целых две. Мини-колонну возглавлял новенький тентованный «Опель-Молния», тянувший на двухосном прицепе какую-то небольшую пушку. Единственное, что приходило на ум, глядя на неё, – это виденные когда-то давно корабельные зенитные автоматы. Вторым шёл открытый полугусеничный тягач SdKfz 7, тянувший здоровенную «восемь-восемь», также на двухосном прицепе. В машине и в тягаче гордо восседали полностью покрытые пылью солдаты, – нужно думать, расчёты этих самых орудий. Обдав нас клубами пыли, колонна остановилась напротив.

Из кабины грузовика выбрался офицер и уверенно зашагал к крыльцу штаба. Как в кино, в этот момент распахнулась дверь, и на пороге показался гауптман Пракса в сопровождении

дении командира нашей роты, обер-лейтенанта Гренца. Поскольку, стояли мы с Гансом достаточно близко, то невольно услышали часть разговора офицеров. Оказалось, что прибывшего зовут лейтенант Энгельхардт и он является командиром штурмовой группы 3-й батареи 26-го зенитно-артиллерийского полка, которая придаётся 135-му полку, а конкретно, – нашему батальону. Далее, лейтенант поинтересовался: где ему разместить технику и личный состав? Пракса, приглашающим жестом, предложил Энгельхардту войти, и офицеры скрылись внутри.

Солдаты лейтенанта дисциплинированно сидели на своих местах, с интересом поглядывая на наш, вскочивший при появлении командира батальона на ноги, отряд. Перекинуться хотя бы парой слов с вновь прибывшими мы не успели: пока думали как бы это ловчее сделать, – из штаба вновь вышел обер-лейтенант Гренц с какой-то бумагой. Он передал её подскочившему Тойчлеру и что-то отрывисто сказал. Ганс кивнул в ответ и скомандовал построение. Ещё раз проверив по списку личный состав, гефрайтер сообщил нам, что машины не будет и до места погрузочно-разгрузочных работ придётся идти пешком. Благо, это не так далеко: за лесом. Нельзя сказать, что мы сильно опечалились этой новостью, но, как известно, – лучше всё-таки плохо ехать, чем хорошо идти.

Как только наша колонна вышла из леса, что окружал лесопилку, на большую дорогу, – выяснилось, что по ней нескончаемым потоком двигаются войска и обозы в обоих направлениях. Стало ясно, что пересечь её строем не получится. Поэтому, Тойчлер повёл нас вдоль дороги, по краю леса. Вскоре лес кончился, и мы зашагали по полю.

Меня всегда поражал этот стиль польских дорог, когда деревья подступают вплотную к дорожному полотну, а обочина, – чисто символическое понятие. Причём, даже в поле картина не меняется: высокая насыпь дороги с кастрированной обочиной, на которую даже крестьянской тележке съехать не получится: сразу пробку создаст. Так что, не было ничего удивительного в том, что заторы периодически создавались, а дороги были забиты. Вот и сейчас, на 2/3 полосы раскорячился трофейный французский грузовик Ситроен с парящим радиатором. Пользуясь временным отсутствием трафика, мы быстро вскарабкались на дорогу и пристроились за каким-то конным обозом. Пыллил он нещадно, поэтому видок у нас был, наверное, тот ещё. Как оказалось, идти оставалось совсем немного: мы пересекли железную дорогу и, минут через десять, добрались до предместья Тереспоя. Там нас уже ждали грузчики из других подразделений полка. Поскольку мы пришли последними, – распорядившийся здесь лейтенант скомандовал занимать место в хвосте строя и повёл нас дальше. Навскидку, штрафников было не менее сотни. Если смотреть в масштабах полка, – совсем немного.

Судя по частым свисткам паровозов, – здесь где-то рядом был вокзал. Логично предположить, что пойдём разгружать вагоны. Однако, лейтенант повёл нас вовсе не в Тересполь, как мы ожидали, а наоборот, из него. Выйдя на перекресток, с которого мы заходили в местечко, – строй повернул направо и, пройдя буквально с километр, остановился. Слева был съезд с дорожной насыпи, который никуда не вёл: просто упирался в поле. К этому съезду при нас подъехал грузовик, спустился вниз и остановился. Тотчас же к нему со стороны небольшой рощицы подбежали солдаты и стали разгружать ящики. Одни разгружали, другие принимали, третьи переносили. Процессом руководил артиллерийский унтер-офицер. Перед строем вышел наш лейтенант и поведал о том, чем мы будем сейчас заниматься. В принципе, мы и так догадывались, но прояснить ситуацию было не лишним.

– Итак, за этой рощицей находится позиция реактивных установок. Прислуга, в силу сжатых сроков и своей малочисленности, не успевает принять боеприпасы. Поэтому, – вся надежда на вас. Сейчас вон тот прекрасный унтер-офицер разделит отряд на команды, и вы начнёте работать. Как известно, лучший отдых, – это смена вида деятельности, поэтому после обеда поменяемся с солдатами 133-го полка, которые сейчас грузят боеприпасы в грузовики на вокзале. Они грузят – вы выгружаете до обеда, вы грузите – они выгружают после. Вопросы?

– А когда обед, господин лейтенант? – этот вопрос задаёт кто-то не из нашего батальона.

– Обед будет своевременно, – с таким нажимом на это слово отвечает лейтенант, что желание что-либо спрашивать пропадает само собой.

Тем временем, к строю подходит уже упоминавшийся артиллерийский унтер-офицер:

– Унтер-офицер Штаубе!

Этот Штаубе очень легко и просто делит нас на команды:

– По порядку рассчитайсь!

– Первый!

– Второй!

– ...Тридцать третий!

– С первого по одиннадцатый – на грузовики, с двенадцатого – на переноску! Разгружаем быстро, но аккуратно! Носим – ещё быстрее и ещё аккуратнее! Ящики не кидать! Если рванёт, – костей не соберёте!

На этом инструктаж был окончен и мы стали спускаться с дороги в поле.

Ну, что вам сказать? Боеприпасы эти оказались совсем не лёгкими! Каждый снаряд был упакован в индивидуальную деревянную клетку, и вся эта конструкция весила около 40 кг. Как оказалось, это были боеприпасы для реактивных установок «Nebelwerfer». Мы их, естественно, называли «Туманомётами»: именно так и звучало это по-немецки. Команда на машинах работала попарно: две пары сгружали, каждая по одному контейнеру, – две пары внизу принимали и складывали в штабеля. Гефрайтер Ганс Тойчлер оказывал моральную поддержку. Несуны тоже работали парами. Подошли к штабелю, взяли вдвоём клетку, – и потащили. Тащить не то, чтобы далеко, но ходить с таким весом... Устали мы прилично.

Сначала, подтаскивали боеприпасы на позиции рядом с «Туманомётами»: это самая дальняя дистанция, метров 150 от грузовиков. Потом – поближе, на запасные позиции. Это метров 100 нести, уже не так далеко. Работа адская. Чёртовы фашисты, – работают как автоматы, раз в час убогий перерыв на 5 минут, – и снова вперёд, сачкануть вообще не вариант. Ещё и с Бауманом в пару попал. Пытался с ним поговорить: береги силы, – отвечает, – они нам понадобятся. Так и не узнал: за что его сюда отправили? Ну, не очень-то и хотелось. Из того, чего хотелось «очень», – это пить, лечь и всё.

Обед приехал, как ни странно, по распорядку: ровно в 13:00. Думаю, никогда ещё солдаты с таким единодушием не бросали свои занятия и не устремлялись бегом к полевым кухням! Откуда только силы взялись?! Пообедав, – повеселели. Тем более, выяснилось, что идущие обратно порожняком машины перевезут нас на вокзал. А вот парням из 133-го придётся топтать пешком. Пока ехали, – глазели по сторонам. Всё то же, что и утром: войск очень много. По всему чувствуется, – идёт подготовка к чему-то грандиозному. Непонятно только: почему, вдруг, забили на маскировку и внаглую перемещают войска днём? Торопятся?

Местечко Тересполь оказалось небольшим, но буквально нашпигованным войсками посёлком. Куда ни глянь, – везде мышиноного цвета мундиры. Гражданских практически не видно. Приехали к вокзалу, там нас встретил новый артиллерист: на этот раз фельдфебель. Поскольку, к вагону машинам не подъехать, – одна команда разгружала и складывала, а вторая, – загружала сложенное в грузовики.

На вокзале мы упарились чуть меньше, конечно, чем в поле, но особой радости осознание этого факта не доставляло. Вагоны кончились ближе к шести вечера, и ещё около часа мы сидели, бессильно привалившись к какому-то пакгаузу, в ожидании дальнейших команд. Эшелонов было, на удивление, немного. Танков я вообще, например, не видел. В основном, – боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Наконец, пришёл лейтенант и приказал самостоятельно добираться до своих подразделений. Знали бы, – уже давно в столовой своей лесной сидели... А так, – пришлось лишний час голодными сидеть.

До расположения добрались часам к восьми. К счастью, ужин на нас оставили, поэтому по взводам мы расходились в хорошем настроении. По пути узнал у Ганса, как тот попал в штраф-

ники. Всё оказалось до банального просто, – он вызвался добровольцем. Говорит, скучно стало в лесу сидеть, – хотелось разнообразия. Мда... Впрочем, ему работать-то особо и не пришлось. Так, помогал иногда, конечно. В основном же, – о чём-то беседовал с артиллерийским унтер-офицером, да на ящиках сидел. Ещё Ганс по секрету рассказал, что «туманомёты» готовятся открывать огонь туда, через Буг.

– Значит, всё-таки война, – констатировал я вполне очевидный для меня факт.

– Надеюсь, обойдёмся демонстрацией силы, – уверенно ответил Тойчлер, – Во-первых, у нас пакт, во-вторых война на два фронта, – это приговор Рейху. И фюрер никогда на это не пойдёт.

Я не стал возражать и мы, попрощавшись, разошлись.

По прибытию в палатку взвода, – доложил обер-фельдфебелю Раушу о возвращении и успешном окончании погрузочно-разгрузочных работ. Оглядев нас, грязных и пыльных, взводный приказал до вечерней поверки привести себя в порядок. Редкий случай, когда приказы начальства совпадают с твоими собственными желаниями.

Помывка в Вермахте, как и в Красной Армии, тоже осуществлялась по субботам, а это ещё два дня ждать. Естественно, ради нас баню топить никто не собирался. Пришлось кое-как споласкиваться в умывальниках, которые представляли собой два желоба, стоявшие один над другим. Рядом, на подпорках, располагалась металлическая цистерна с водой. Раз в сутки наши тыловики пополняли её с помощью водовозки. Из цистерны вода попадала в верхний желоб. Из верхнего, через отверстия, вода стекала в нижний, а оттуда, – в специальную яму, на слив. Отверстия в верхнем желобе затыкались деревянными палочками, которые нужно было вынимать для прохода воды, а потом ставить на место. По-русски такая деревянная палочка называется чопик. В немецком языке такого слова нет, поэтому все звали эту конструкцию краном. Не бог весть какое чудо инженерной мысли, конечно, но почистить зубы и умыться вполне хватало. Брились у нас единицы, так что никто над умывальником дольше минуты не торчал, соответственно времени на гигиену хватало всем.

До поверки оставался ещё час, поэтому мы, не особо и торопясь, побрели стираться. Плохо, конечно, что не было тазов, – это я не про машины, – зато Рауш приказал Кепке выдать нам ведра. Тот поворчал, как обычно, но деваться некуда: пришлось доставать из закровов. Конечно, нормальные оцинкованные подошли бы куда лучше, но и складным брезентовым мы тоже были рады. Ведёр ездовой из жадности выделил всего два. Одно из них, пользуясь случаем, я сразу забрал себе, а Груберу с Отто отдал второе. Ожидал от них возмущений, но парни, видать, так устали, что даже ничего и не сказали. Вот и ладушки.

Камрады наши в это время занимались кто чем, – по распорядку значилось свободное время. В основном, писали письма или возились с обмундированием. Я взял сменный комплект формы из ранца, мыло, полотенце и, немного подумав, бритву. Несмотря на то, что Ланге вполне мог ещё бриться раз в неделю, – я решил сделать это сегодня. Во-первых, – на всякий случай. По глупости, из-за небритой морды лица, схлопотать замечание и опять угодить таскать снаряды мне совсем не улыбалось. Во-вторых, – нужно набить руку. Лично я никогда опасной бритвой не брился в своей жизни, а мой белокурый ариец только начал этим заниматься. Так что, практика нужна.

У умывальников было довольно оживлённо: камрады готовились к скорому отбою, стирая носки и чистя зубы заранее. Что же, – это вполне логично. Потому что, после окончания вечерней поверки, на вечерний туалет даётся всего 10-15 минут. Можно и не успеть постираться.

Несмотря на то, что уже наступали сумерки, – видно было пока сносно. И я решил начать с бритья. По-быстрому скинув форму и замочив её в ведре, закрепил зеркало на желобе и начал вспоминать процесс. Так как и я, и Макс представление об этом всё-таки имели, то первый этап прошёл идеально. Поелозить мокрой кисточкой по куску мыла и намазаться получившейся

пеной удалось без каких-либо проблем. Дальше всё осложнилось. Нет, я уверенно достал свой «Золинген» и даже раскрыл бритву. Но, мать моя – женщина, какая же она острая и огромная! Осторожненько провёл по щеке, – вроде бы нормально, крови нет. Как её держать-то правильно? Вспомнил Суинни Тодда, но это мало помогло.

– С прибытием, Макс! Как поездка? – раздавшийся сзади голос Лермана заставил меня вздрогнуть.

– Чёрт, Йенс! Я чуть не порезался!

– Да уж, с тебя станется, – засмеялся Викинг, занимая место рядом со мной. Судя по всему, он тоже пришёл бриться.

– Если так держать бритву, то вскоре у меня не будет второго номера. Смотрю, ты этому нехитрому искусству так и не научился?

– Неудобно и непривычно, – честно признался я.

– Это дело поправимое. Смотри и учись.

Быстро намылившись, Викинг быстрыми аккуратными движениями, буквально за минуту, побрился. При этом он не забывал параллельно рассказывать что-то про «расслабленную кисть», «мягкое скольжение» и прочие узкоспециализированные вещи. Я смотрел как зачарованный. Нет, до этого, конечно, не раз видел процесс в исполнении других солдат, но этот мастер был прямо вот рядом.

Не буду долго описывать свои мучения, но Йенс, в итоге, научил меня довольно сносно орудовать бритвой.

– Главное, – действовать уверенно и не думать о том, что можешь порезаться. А то так и случится. Вообще, – здесь нужна практика.

– В принципе, согласен, – ответил я Лерману, заклеивая кусочком газеты четвёртый порез.

Викинг ободряюще хлопнул меня по плечу и ушёл. На смену ему появился Эмиль, который дописал своё длинное письмо домой и пришёл постираться. Поболтали, поделились последними новостями. Я рассказал, как мы грузили боеприпасы целый день, он, – про взводные занятия. Вместо занятия по тактике, – сидели полтора часа чистили оружие, потому что не пришёл назначенный на это дело офицер. Зато, на следующем всё было как нужно. Совместно с первым взводом отрабатывали передвижение на поле боя: ползали, бегали и атаковали третий взвод, который изображал противника в обороне. Затем менялись. На следующем занятии кидали учебные гранаты. Не самое скучное времяпровождение. Завтра планируется примерно то же самое. Выстирав форму, я развесил её за палаткой, где была организована сушиллка из натянутых между деревьями верёвок. Ну, вроде все дела сделаны. Осталось сдать ведро ездовому, пройти вечернюю поверку и отбиться.

Глава 6

Утренний подъём прошёл, на этот раз, без эксцессов. Пробегая строем во время утренней зарядки вокруг расположения батальона, неожиданно выяснилось, что ночью куда-то ушли наши «велосипедисты» из 11-й роты и артиллеристы из 13-й роты пехотных орудий. Это всё было очень странно, никто ничего не знал и не понимал. По поводу внезапного исчезновения двух рот строились самые разнообразные догадки. Самая ходовая из них гласила, что нашу дивизию начали выводить и вскоре мы опять окажемся во Франции, поближе к Томми. Лично я считал, что началось скрытное выдвижение на исходные позиции. Понятное дело, ни с кем своими предположениями делиться не стал. После завтрака начались занятия. Сначала, – в составе взвода, потом, – в составе роты. Мы отработывали наступательные действия. Без выстрелов, взрывов, криков и прочего обязательного антуража любого сражения, – подразделения выполняли команды относительно неплохо. Очень хорошо были слышны выкрики и свистки наших командиров. Не знаю, что будет на поле боя, – на тренировках же всё выглядело достойно. Поскольку, я в своё время служил на флоте, то пехотные принципы атаки и обороны как-то прошли мимо меня. По книгам и фильмам знаю, что сначала артподготовка, потом, – в атаку цепями. Здесь всё было несколько иначе. Упор делался на мощное огневое прикрытие: пулемёты. Пока те подавляли противника, стрелки подбирались на расстояние броска гранаты. Причём никакой не цепью, а по очереди, по 2-3 человека, короткими перебежками. Остальные в это время прикрывают продвижение товарищей. Откидав гранаты, стрелки стремительным рывком сокращают дистанцию и врываются в окопы ошеломлённого противника. Управление солдатами осуществляют унтер-офицеры, находящиеся с ними в одних боевых порядках. Они же выбирают места для расположения пулемётов. Чуть сзади, чтобы наблюдать картину боя целиком, располагается командир взвода. Вместе с ним находятся посыльный, горнист и денщик-ординарец. Команды отдаются голосом и специальными свистками. Всё очень организовано и чётко. Не удивительно, что Вермахт так быстро завоевал Европу. Тренировались мы до обеда. Все взмокли, но никто не роптал, – это вообще было не принято у немцев. Понимали, что пот экономит кровь. Следующее занятие началось уже после обеда, и было больше похоже на политинформацию. Наш взвод собрали в палатке, перед нами вышел лейтенант Кириш из штаба полка и выступил с лекцией об особой миссии германского народа. Коснулся он и военного превосходства, новых видов вооружений и блестящих побед Вермахта. Из действительно полезного была, пожалуй, информация о новой раскраске боевых самолётов люфтваффе. Теперь они будут нести на фюзеляже ярко-жёлтое кольцо шириной полметра, а концы крыльев снизу на 1/3 их длины будут выкрашены также в ярко-жёлтый цвет. На эту тему мы даже поспорили с Викингом:

– Йенс, новая раскраска наших самолётов вводится неспроста, ты согласен? – спросил я у него в перерыве занятий.

– Видимо, настала пора, – пожал плечами Лерман.

– Настала пора отличать наши самолёты от не наших. Значит, в скором времени ожидается их большое количество в небе. Подумай: здесь, на границе с Советским Союзом, – откуда взяться большому количеству самолётов, которые нужно друг от друга отличать?

– При чём здесь это? – недоумённо посмотрел на меня Йенс, – Геринг решил, что так будет красивее, – вот и вся загадка. А то ты, я чувствую, сейчас наговоришь тут предположений...

– Когда вы наступали в Польше и Франции и видели над головой самолёты, – были сомнения, что они не наши? – не сдавался я.

– Какие там сомнения? – удивился Викинг, – ясное дело, что у лягушатников или поляков уже не было авиации. Все их самолёты догорали на аэродромах. Полное господство в небе асов Геринга.

– Вот! Поэтому вам и не нужно было их различать, – других-то в небе не было, верно? – вопрошал я Лермана.

– Я же тебе сказал: полное господство люфтваффе!

– Ну, а теперь подумай. Находясь на границе с Россией, которая располагает очень большим количеством самолётов, даже большим, чем у Геринга, – я поднял указательный палец вверх, – наши люфтваффе вдруг озадачились отличительной раскраской. Совпадение? Не думаю! – процитировал я одного известного последователя доктора Геббельса.

– Ну, не знаю... – потёр подбородок Викинг, – Рациональное зерно в твоих рассуждениях, конечно, есть... Но, война на два фронта... Не думаю, что Фюрер опять наступит на те же грабли!

– Рад бы с этим согласиться, но, сдаётся мне, что всё указывает именно на такой вариант развития событий.

– Война на два фронта, – приговор Рейху, – упрямо продолжал гнуть своё Лерман.

– Видимо, в Берлине другого мнения, – развёл руками я.

– Ладно, что спорить? Поживём – увидим, – Викинг поднялся, – Пошли, – построение объявили.

Вечером, после ужина, обер-фельдфебель Рауш неожиданно объявил о том, что сейчас состоится помывка в бане. Известие было встречено с восторгом, особенно после сегодняшних ползаний по полю.

Баня представляла собой большую палатку, разделённую на две части. Меньшая служила раздевалкой, в большей мылись. Там стояли деревянные лавки и металлические печи со встроенными в них котлами. Рядом находились баки с холодной водой. Вода от печей кипела и испарялась, в результате чего в палатке стояла жара и туманом висела пелена пара. В общем и целом, – довольно сносно, особенно в полевых условиях. Зашёл, взял шайку, налил воды, – и мойся на здоровье.

Всё шло как по маслу, камрады тёрли друг другу спины мочалками, со всех сторон раздавались весёлые возгласы и радостные голоса. Так получилось, что, из-за поднимавшегося от котлов с водой пара, видимость была весьма ограничена. И, этот факт сыграл с нашим Отто злую шутку. Точнее, шутка должна была быть доброй. По крайней мере, так задумал Рюдигер. Ну, – что может быть добрее шайки холодной воды, вылитой на своего товарища Иоганна Грубера? Отто и предположить не мог, что, пока он ходил набирать холодную воду, его предполагаемая жертва отошла потереть спинку обер-гефрайтеру Моделю, по его просьбе. Вернувшись с полным тазом, Рюдигер идентифицировал ближайшую фигуру как Грубера. Определив цель, Отто, с идиотской улыбкой, вылил на предполагаемого Иоганна шайку холодной воды, заранее заливаясь смехом.

Унтер-офицер Курт Винсхайм до сего момента считал себя стойким солдатом. Он много повидал: прошёл польскую и французскую кампании, форсировал под огнём Эну, был контужен. Но, когда на тебя выливают таз холодной воды, – никакое самообладание не спасает. Курт выгнулся дугой, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, и стремительно обернулся. Естественно, за спиной он увидел того, кого предпочёл бы не видеть никогда. Улыбка мигмом слетела с лица Отто и он застыл, прикрываясь шайкой от разъярённого Винсхайма. Боже, как тот орал на бедолагу Рюдигера!

Ближе к вечеру, приехал гефрайтер Кепке и привёз сухой паёк на трое суток. Мы, недоумённо глядя друг на друга, стали укладывать провизию в ранцы и сухарные сумки: нам ничего не говорили, поэтому никто ничего не понимал. Судя по всему, мы скоро куда-то отправимся. Но куда? Предположений была масса, но точной информации не знал никто. Никто, кроме

меня. Я был на сто процентов уверен, что дело пахнет нападением на СССР, ибо ни на секунду не верил в нелепые теории моих камрадов о каком-то военном перевороте в России или открытом для нас пути на Кавказ.

Ночью нашу роту подняли по тревоге и куда-то повели. Шли повзводно, с интервалами в несколько минут. На пути стояли солдаты и обозначали путь с помощью карманных фонариков со светофильтрами. Со стороны это смотрелось красиво: как цепочка уходящих в темноту огоньков. Вскоре, мы вышли на какую-то дорогу. Немного пройдя по ней, свернули в сторону. Куда идём, – предположений не было. Особый акцент делался на соблюдение тишины, поэтому даже поделиться с товарищами своими мыслями было невозможно.

В итоге, конечным пунктом оказались какие-то казематы в толще земляного вала. Нас загнали внутрь с приказом носа не высовывать наружу. Через бойницы в передней части вала была видна река. Судя по всему, – это Буг. Сразу же от бойниц разогнали любопытствующих и выставили караульных. Через час, подошло ещё одно подразделение. Им оказалась наша 12-я пулемётная рота. Места, как ни странно хватило на всех. Честно говоря, в палатках было лучше: лес, свежий воздух. В казематах же было дико холодно и пахло сыростью: чувствовалось, что давненько здесь никто не жил. Из мебели в наличии были только старые деревянные нары, на которых мы и расположились. Пришёл обер-фельдфебель Рауш и сказал, что батальон находится в 30 метрах от границы и о нашем здесь появлении никто знать не должен. Поэтому, все выходы из казематов, без специального разрешения, запрещены. Подъём переносится на 10 утра, всем спать, отбой. Команду эту мы любим, так что упрашивать было никого не нужно.

Следующий день был, наверное, самым скучным из всех. Мы сидели в казематах, занимаясь бесконечной чисткой оружия. В перерывах между чисткой, – читали Уставы и Наставления. Газет не видели уже давно, – даже наших армейских «Die Wermacht» и «Signal». Скука страшная. И все разговоры только об одном: зачем всё-таки мы здесь, почему в такой тайне и как долго ещё это будет продолжаться? Командиры наши помочь ничем не могли: они знали не больше нашего. Ближе к ночи, как только начало темнеть, к нам со свитой прибыл лично гауптман Пракса. Он прошёл по казематам, поздоровался с солдатами и сказал, что здесь будет батальонный КП. Кроме того, командир батальона представил двух армейских корреспондентов из уже упоминавшихся «Die Wermacht» и «Signal», а также двух операторов из «Deutsche Wohenschau». Просил оказывать им посильную помощь и содействие. К сожалению, имён этих военкоров я не запомнил.

Через некоторое время после ухода Праксы на КП, прибежал посыльный и сообщил, что собирают командиров взводов. Наш Рауш тут же проследовал за ним. Мы сидели и гадали: к чему вся эта суета, на ночь глядя, и чем это может обернуться для нас. Через полчаса, вернулся наш взводный и сообщил, что принято решение в тёмное время суток выставлять дополнительные два караула в сторону дороги, по которой мы сюда пришли. Сейчас караулы обеспечивают первый взвод лейтенанта Вильча, завтра, – мы. Состав и количество караульных Рауш доведёт с утра. Кроме того, выделяются команды от каждого взвода для получения на подразделение боеприпасов. Выход, – в полночь. Склад в двух километрах от наших позиций. Ближе подвезти не смогли из-за требований скрытности. Мда, идти нагруженными совсем не близко. Шарахаться в ночи с ящиками мин, патронов и гранат выпало на долю первого и миномётного отделений. Остальные, – по распорядку, отбой в 23:00.

- Что думаешь, Эмиль? – подсаживаюсь к Райзингеру.
- Думаю, что что-то начинается, – откликается тот.
- Войной пахнет...
- Опять ты со своей войной, – недовольно бурчит с соседних нар Отто.
- У тебя есть другие предположения?

– Я про них тебе уже говорил. Боеприпасы и наше подтягивание к границам России, – это всё для демонстрации военной силы и пресечения провокаций, – менторским тоном произносит Рюдигер.

– Да ты, я гляжу, всё, что угодно, можешь объяснить, – качаю головой я.

– А ты всё свести к войне.

– Скоро узнаем, – примирительно произносит Райзингер.

– Это точно...

Глава 7

С самого подъёма события стремительно набирают обороты. Оказывается, ночью к нам присоединились новые силы: отделение из восьми огнемётчиков во главе с унтер-офицером, и сапёрный взвод от 133-го полка под командой лейтенанта. Сапёры принесли с собой лодки и фашины, огнемётчики, – ранцевые огнемёты. Дело явно начинает пахнуть керосином.

Сразу после завтрака, мы получаем вооружение и боеприпасы, которые ребята доставили ночью. Помимо трёх обойм к своему Р-08, я, как второй номер пулемётного расчёта, несу: два сменных ствола к нашему МГ-34, четыре малых патронных короба «Gurttrommel 34» с лентой на 50 патронов каждый и один большой патронный короб «Patronenkasten 34/41» с двумя лентами на 200 и 100 патронов соответственно. Эмиль, – наш третий номер, помимо обойм к Kar98k, тащит два 300-патронных короба. Ну и первый номер, Викинг, – помимо пулемёта, заряженного 50-патронной лентой из «Gurttrommel 34», несёт ещё два таких же малых короба. Итого, на расчёт у нас получается примерно около 1250 патронов. Почему я говорю «около»? Потому что, на самом деле, ленты рассчитаны на 197 и 97 патронов. Ну, а мы их количество просто округляем, для простоты подсчётов.

Кстати, это намного больше, чем у пулемётного расчёта Красной Армии. Если мне не изменяет память, то для ДП-27 в пехотном взводе был определен боезапас в 6 дисковых магазинов по 47 патронов в каждом, то есть 282 патрона на ствол против 1250 у немцев. Существенная разница, – согласитесь.

Теперь всё это богатство нужно проверить, пустые ленты, – снарядить патронами, а процесс их набивки, – дело не быстрое. Впрочем, для этих целей у нас есть специальная машинка для снаряжения патронных лент: «Gurtfuller 34». Эмиль уже достал её и закрепил на столе. Ящик с патронами тоже здесь. Ну что, начинаем? Засыпаю сверху в приёмник патроны, Эмиль протягивает ленту, и приступаем. Один поправляет патроны, другой крутит ручку. Дело знакомое, так что работа спорится.

Смотрю в угол каземата, где сложены в штабеля ящики с боеприпасами: их явно больше, чем, даже, из расчёта два боекомплекта на ствол. В принципе, всё логично: завтра уже 22 июня 1941 года, – война, как-никак, начинается. Если, конечно, верны мои предположения, и я нахожусь не в каком-нибудь другом измерении. Странно только, что до сих пор мы не в курсе событий: уже 21-е число, а солдаты о завтрашнем дне ни сном, ни духом. Интересно, в той, моей истории, – всё так же было? Честно говоря, не интересовался что там у немцев происходило в канун нападения.

После снаряжения лент и укладки носимого боекомплекта, обер-фельдфебель Рауш объявил состав караула на ночь. На дежурство заступают третьё и четвёртое отделение. Хорошая новость, потому что я, честно говоря, думал, что в караул пойдём мы. Логику начальства мне не понять. Впрочем, это не так уж и важно. И так есть о чём подумать.

Время прекратило свой сумасшедший утренний бег и до полудня тянулось невыносимо медленно. Рауша опять вызвали на КП, в который уже раз за это утро. Мы вновь чистим оружие, слушая зачитываемые командирами отделений по-очереди статьи из Устава. Прекрасное времяпровождение.

Наконец, наступило время обеда. Я уж думал, – не дождусь. И тут случилась приятная неожиданность: снабженцы в больших термосах принесли суп и кофе. Камрады воодушевились, – сухомытка не всем по душе. После приёма пищи, объявили общий сбор во дворе. Это было что-то новенькое: раньше строились повзводно внутри казематов, ибо вся рота ни в один из них целиком не помещалась. Щурясь на солнечный свет, мы начали выстраиваться в каре перед кирпичными стенами. Реки отсюда видно не было, – сзади её загораживал вал, а с боков, – изгибы казематов и кустарник. В центр, в абсолютной тишине, вышел гауптман

Пракса. Действительно, подавать команды и здороваться с полутысячей солдат, стоящих в 30 метрах от русской границы, было бы неосмотрительно. Обведя взглядом строй, командир батальона произнёс:

– Господа! Внимание! Вышестоящим командованием мне поручено довести до вас обращение фюрера немецкой нации Адольфа Гитлера!

Тишина, и до этого ничем не нарушаемая, стояла просто гробовая. Пракса стал зачитывать текст с листка, что держал перед собой:

– «Солдаты Восточного фронта! Подавленный тяжёлыми заботами, обречённый на многомесячное молчание, я решил, что пришёл час, когда я с вами, мои солдаты, могу говорить открыто...»

Честно говоря, как и все окружающие, – впервые слышу это обращение. Думал, что немцам зачитывали просто приказ о нападении на Советскую Россию. Оказывается, тут прямо целая речь... Обращение было очень длинным. В нём раскрывалась сложившаяся международная обстановка и причины начала войны против СССР. Клеймились «усилия еврейских поджигателей войны», упоминался какой-то неизвестный мне ультиматум Молотова и ответ на него Гитлера... То, что я услышал, было невероятно!

– «На нашей границе стоят 160 русских дивизий. В течение многих недель постоянно происходят нарушения этой границы, не только у нас, но и на Крайнем Севере, и в Румынии», – продолжал зачитывать Пракса, – «В течение ночи с 17-го на 18-е июня 1941 года советские вооружённые отряды снова углубились на германскую территорию и возвратились обратно только после продолжительного боя».

Это вообще о чём? Тут одно из двух: или это действительно было, но мы ничего об этом не знаем, или этого никогда не было. И тогда я, получается, в другом мире? Голова кругом.

– «Формации германского Восточного фронта простираются от Восточной Пруссии до Карпат. Германские и румынские солдаты объединены под командованием главы румынского государства, Антонеску, от берегов Прута, вдоль Дуная, и до Чёрного моря. Задача этого фронта, таким образом, не защита отдельной страны, а защита всей Европы и спасение всех. Поэтому, я решил сегодня снова вручить судьбу и будущее Германии и германского народа в ваши руки, руки немецких солдат. И да поможет нам Бог в этом сражении!» – Пракса закончил читать. Немного помолчал, давая время переварить услышанное, и следующей фразой подтвердил мои предположения:

– Солдаты! Мы вступаем в войну с Россией! Сегодня ночью, внезапным ударом мы атакуем позиции большевиков! Командирам рот приступить к формированию штурмовых групп и довести задачу каждой! Разойдись!

Я шёл как пыльным мешком пришибленный. Неужели это правда и Советский Союз действительно планировал военное вторжение? Нет, я читал о подобных версиях, но всерьёз их, конечно, не воспринимал. Да как такое можно вообще принять? А эта провокация, или как это назвать, в ночь с 17 на 18 июня, о которой говорилось в воззвании? Я ничего о ней никогда не слышал. Ох, как же всё запутано...

Не успели мы вернуться, как обер-фельдфебель Рауш объявил взводу построение. Хмуро оглядев нас, он произнёс:

– Сейчас перед взводом с важной информацией выступит обер-лейтенант Хофмайер, из штаба полка. Слушаем внимательно, потому что сто раз повторять никто не будет. Это понятно, рядовой Рюдигер? – найдя глазами Отто, поинтересовался Рауш.

– Так точно, господин обер-фельдфебель! – отчеканил любитель чеснока.

– Взвод, смирно!

– Вольно! – махнул рукой вошедший в каземат офицер с погонами обер-лейтенанта. Судя по всему, это и есть Хофмайер. Худощавый, невысокий блондин, лет тридцати, в очках. Мне

он чем-то напомнил давно виденную фотографию Гимmlера. В руках обер-лейтенант держал коричневую кожаную папку, из которой тут же начал доставать какие-то бумаги.

– Меня зовут Хофмайер, обер-лейтенант Хофмайер. Я прибыл к вам из Отдела Пропанганды, чтобы раскрыть некоторые аспекты предстоящих боевых действий в отношении нашего противника, – Советской России.

Достав отпечатанные на машинке листы, он осмотрел нас поверх очков, видимо, ожидая какой-то реакции. Не дождавшись её, Хофмайер продолжил:

– Сейчас я зачитаю несколько документов и дам свои комментарии по ним, дабы у вас не возникло недопонимания. В случае появления вопросов, – отвечу на них после прочтения. Итак, начнём. Документ первый: «Директива для поведения войск в России».

«1. Большевизм – смертельный враг национал-социалистического немецкого народа. Борьба Германии ведётся против этого вредного мировоззрения и его носителей.

2. Эта борьба требует не считающихся ни с чем и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев, и полного устранения любого активного или пассивного сопротивления.

3. По отношению ко всем военнослужащим Красной Армии – в том числе пленным – нужно проявлять осторожность и самую тщательную бдительность, считаясь с их коварством при ведении войны. Особенно скрытны, непредсказуемы, коварны и бесчувственны азиатские солдаты Красной Армии.

4. При пленении воинских подразделений нужно сразу отделать командиров от рядовых солдат.

5. Немецкий солдат вступает в СССР, не имеющий однородного населения. СССР – это государственное образование, объединившее множество славянских, кавказских и азиатских народов и силой удерживаемых большевистскими властителями. В СССР сильно развит иудаизм.

6. Большая часть русского населения, особенно обеднённое большевистской системой сельское население, недоброжелательно к большевизму, внутренне противостоит ему. В небольшевистском русском человеке национальное самосознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность при освобождении от большевизма часто будет выражаться в церковной форме. Не нужно предотвращать или мешать благодарственным молебнам и процессиям.

7. В беседах с населением и в поведении по отношению к женщинам приказана самая большая осторожность. Многие русские понимают немецкий язык, не говоря об этом. В занятой области, особенно на предприятиях, будет действовать вражеская разведка, стремясь получить сообщения о важном военном оборудовании и мероприятиях. Поэтому любые проявления необдуманности, тщеславия и доверчивости могут иметь самые тяжёлые последствия.

8. Любое имущество, взятое у хозяев на основе расписок, и военные трофеи, в частности продукты и корма, горючее и предметы одежды нужно беречь и охранять. Каждая растрата и расточительство вредят подразделению, грабежи по военно-уголовным законам влекут за собой самые тяжёлые наказания.

9. Осторожность при использовании захваченных продуктов! Разрешается пользоваться только кипячёной водой, во избежание тифа и холеры. Каждое соприкосновение с населением влечёт гигиенические опасности. Защита собственного здоровья – солдатская обязанность».

– Есть вопросы по услышанному? – опять глянул поверх очков на наш строй Хофмайер. Вопросов не было.

– Отлично! Продолжим. Документ второй: «Особые распоряжения по снабжению» отдела тыла в части касающейся, а именно, – обращение с военнопленными.

«Пункты сбора военнопленных на нашем участке наступления предусматриваются на Центральном острове, на востоке Тересполья и юго-восточнее – у бункера на развилке дорог,

в 1.5 км от него. Более подробную информацию до вас доведут командиры подразделений. Привод туда пленных необходимо осуществлять под достаточной охраной, далее передавая подразделениям 45-го полевого запасного батальона, которые будут осуществлять их приёмку. Колонны военнопленных не должны использовать пути подвоза и магистрали, а командиры и политкомиссары должны отделяться от рядовых солдат. Непокорность их резко пресекается, а добросовестный труд, наоборот, вознаграждается достаточным питанием и хорошим обеспечением».

Ага, вот откуда эти фразы в кино и книгах на плохом русском, типа «кто бутет карашо рапотат, – бутет карашо кармит»... Мотивацию придумали, гады... И куда пленных девать будут, какими дорогами водить, – всё предусмотрели.

– Третий документ: «О военной подсудности в районе «Барбаросса». Для тех, кто не в курсе, – так называется операция по вторжению в Советскую Россию, – вновь обвёл нас взглядом Хофмайер, оторвавшись от чтения.

– Странное название, – вырвалось у меня невольно. Несмотря на то, что произнёс я это негромко, – обер-лейтенант мою фразу всё-таки услышал.

– Кто это сказал?

– Ланге! – с возмущением вскинулся было обер-фельдфебель Рауш, но Хофмайер успокаивающим жестом остановил нашего взводного.

– Рядовой Ланге! – бодро доложил я, в душе проклиная себя за несдержанность.

– И чем же Вам показалось странным название операции, рядовой Ланге? – поинтересовался Хофмайер.

– Вы имеете что-то против нашего великого и знаменитого своими победами предка, – Фридриха Первого Барбароссы?

– Никак нет, господин обер-лейтенант, против его побед я ничего плохого не имею!

– Так в чём же тогда дело, Ланге? – недоумённо развел руки в стороны Хофмайер.

– Просто мне показалось странным, господин обер-лейтенант, что такая масштабная операция названа в честь человека, который умер, упав в реку с коня и захлебнувшись в воде.

Гробовая тишина. Так, похоже, мою шутку, столь популярную 80 лет вперёд, никто не оценил... Затянувшуюся паузу прервал обер-лейтенант:

– Не ожидал таких слов от немца... Знание Вами истории весьма похвально, рядовой. Надеюсь, что Вы также знаете, что все люди смертны. И любой, даже весьма великий и уважаемый человек, будь он выдающийся музыкант, полководец или учёный муж, – рано или поздно закончит свой жизненный путь. Важно не то, как человек умер, дожив до преклонных лет. Важно то, что он сделал, пока жил. А Фридрих Барбаросса сделал немало. Поэтому Ваше замечание считаю абсолютно неуместным, господин Ланге! А Вашему командиру должно быть стыдно за такого подчинённого! – лицо Хофмайера даже пятнами покрылось от возмущения.

– Рядовой Ланге будет наказан, господин обер-лейтенант! – выскочил вперёд Рауш.

– Да уж сделайте одолжение, обер-фельдфебель! Распустили своих солдат! Что Вы выскочили из строя? Команда была?

– Никак нет, господин обер-лейтенант, я думал... – начал было растерявшийся Рауш, но закончить ему не дали:

– Встаньте в строй, обер-фельдфебель! – резким голосом приказал Хофмайер.

– Есть встать в строй! – отчеканил наш взводный и, катнув желваки, выполнил команду. На меня он не смотрел, но чувство надвигающейся на меня после роспуска строя большой полярной лисички не покидало. Как говорится, «песец подкрался незаметно, хоть виден был издалека». Ну, ё-моё, кто за язык-то меня вечно тянет?

Проводив Рауша взглядом, обер-лейтенант, продолжил, как ни в чём не бывало:

– Итак, продолжаем. Документ третий: «О военной подсудности на территории операции «Барбаросса».

«Подсудность военным судам служит, в первую очередь, сохранению воинской дисциплины. Расширение района военных действий на Востоке...а также особенности противника, делают необходимым, чтобы военные суды ставили перед собой только те задачи, которые...для них посильны..., то есть ограничили бы свою подсудность рамками, необходимыми для выполнения основной задачи. Это, однако, будет возможно лишь в том случае, если войска сами беспощадно будут себя ограждать от всякого рода угроз со стороны гражданского населения. Соответственно этому, для района «Барбаросса» (район военных действий, тыл армии и район политического управления) устанавливаются следующие правила:

Пункт первый.

1. Преступления враждебных гражданских лиц впредь до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов.

2. Партизаны должны беспощадно уничтожаться войсками в бою и при преследовании.

3. Всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на Вооружённые Силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал, также должны подавляться войсками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающего.

4. Там, где будет пропущено время для подобных мероприятий, или они сразу были невозможны, заподозренные элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Последний решает должны ли они быть расстреляны.

В отношении населённых пунктов, в которых Вооружённые Силы подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжения офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников.

5. Категорически воспрещается сохранять заподозренных для предания их суду после введения этих судов для местного населения.

6. В местностях, достаточно усмирённых, командующие группами армий вправе, по согласованию с соответствующими командующими Военно-Морскими и Военно-Воздушными силами, устанавливать подсудность гражданских лиц военным судам. Для районов политического управления распоряжение об этом отдаётся начальником штаба Верховного Главнокомандования Вооружённых Сил.

Пункт второй. Отношение к преступлениям, совершенным военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к местному населению.

1. Возбуждение преследования за действия, совершённые военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок.

2. При обсуждении подобных действий необходимо в каждой стадии процесса учитывать, что поражение Германии в 1918 г., последовавший за ним период страданий германского народа, а также борьба против национал-социализма, потребовавшая бесчисленных кровавых жертв, являлись результатом большевистского влияния, чего ни один немец не забыл.

3. Поэтому судебный начальник должен тщательно разобраться – необходимо ли в подобных случаях возбуждение дисциплинарного или судебного преследования. Судебный начальник предписывает судебное рассмотрение дела лишь в том случае, если это требуется по соображениям воинской дисциплины и обеспечения безопасности войск. Это относится к тяжёлым проступкам, связанным с половой распущенностью, с проявлением преступных наклонностей или к проступкам, могущим привести к разложению войск. Не подлежат, как правило, смягчению приговоры за бессмысленное уничтожение помещений и запасов или других трофеев во вред собственным войскам.

4. При осуждении предлагается чрезвычайно критически относиться к показаниям враждебных гражданских лиц...»

Вот это охренеть! Ну, Адольф Алоизыч, ну ты и гад, конечно... Освободил солдата от гнёта ответственности... Делай, что хочешь, – и ничего тебе за это не будет! Впрочем, даже это вам, фашистские морды, победить нас не помогло... К счастью, подумал я об этом не вслух, а про себя. На сегодня норма неконтролируемых слов и так уже перевыполнена.

– Надеюсь, комментировать эту директиву не нужно? – посмотрел на нас Хофмайер, – Она даёт вам право максимально обезопасить свою жизнь и жизнь своих товарищей от враждебных проявлений со стороны гражданских лиц. Далее. Документ четвёртый: «Указание об обращении с политическими комиссарами».

«В борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя! Особенно жестокого и диктуемого ненавистью бесчеловечного обращения с нашими военнопленными следует ожидать от всякого рода комиссаров, этих подлинных носителей сопротивления. Войска должны осознавать следующее:

1. В нынешней войне пощада этим элементам и соблюдение в отношении их международных правил неуместны. Они представляют собой угрозу нашей безопасности и быстрому освобождению нами захваченных областей.

2. Политические комиссары – инициаторы варварских азиатских методов ведения войны. Поэтому против них следует немедленно и без всяких задержек действовать со всей беспощадностью. Если же они оказывают вооружённое сопротивление, следует немедленно устранять их силой оружия.

В остальном действуют следующие положения:

Во фронтовых областях:

1. Обращаться с действующими против наших войск политическими комиссарами согласно «Указу о военной подсудности в районе «Барбаросса». То же самое относится к комиссарам всех видов и должностей, даже только подозреваемых в сопротивлении, саботаже или подстрекательстве к ним. Основой являются указания «О поведении войск в России».

2. Опознать политических комиссаров в качестве органов можно по особому знаку различия – красной звезде с вытканым на ней серпом и молотом на рукаве.

Их надлежит немедленно, то есть прямо на поле боя, отделять от всех остальных военнопленных. Это необходимо, чтобы лишить их всякой возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары в качестве солдат не признаются; никакая международно-правовая защита к ним не применяется. После произведённой сортировки их следует уничтожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.